

КАЙ МАЙЕР

АЛХИМИКИ

БЕССМЕРТНЫЕ

Алхимики

Кай Майер

Алхимики. Бессмертные

«РОСМЭН»

2011

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

Майер К.

Алхимики. Бессмертные / К. Майер — «Росмэн»,
2011 — (Алхимики)

ISBN 978-5-353-08637-6

«Бессмертные» – второй роман серии «Алхимики» признанного мастера мистики и готики Кая Майера. Аура Инститорис раскрыла тайну бессмертия, вот только цена слишком высока. От нее отвернулись все, кого она любила. В поисках себя она едет в Париж, где ей предстоит столкнуться с куда более страшной угрозой, чем война, которая вот-вот разразится в Европе. Ауру ждет таинственный отпечаток шестипалой руки, зловещий культ Черной Мадонны, встреча с живой богиней и бесконечная череда жутких событий.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)

ISBN 978-5-353-08637-6

© Майер К., 2011
© Росмэн, 2011

Содержание

Глава	6
Глава	11
Глава	20
Глава	27
Глава	36
Глава	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Кай Майер Бессмертные

Kai Meyer
DIE UNSTERBLICHE
DIE ALCHEMISTIN II

Серия «Алхимики»

Copyright © 2001, 2011 by Kai Meyer

© Nele Schütz Design under the use of shutterstock/isaxar

© Перевод на русский язык, макет, оформление. ООО «РОСМЭН», 2018

* * *

*Сотворение материи из энергии,
а энергии из материи – суть алхимии.
Бог – алхимик.*

Уолтер Лэнг.

Введение к книге Фулканелли «Тайна соборов»

Глава

1

Август 1914 года

Аура проснулась в номере гостиницы, и перед ней вдруг пронеслось все то, что уже давно терзало ее душу: все, к чему она стремилась, все, что потеряла. Воспоминания навалились тяжким грузом.

Но вот она открыла глаза, щурясь от дневного света, и видение исчезло. Остались лишь пустота и страх, как накануне вечером. И так каждый вечер вот уже много лет.

Аура повернулась к окну: над крышами Парижа сияло солнце. Яркий свет будто разделял столбы дыма, поднимавшегося из труб, на тонкие нити. Солнце слепило. Не меняя позы, Аура снова закрыла глаза. Сон постепенно развеивался, а воспоминания становились отчетливее. Казалось, руку протяни – и вот они, ответы на вопросы, причины тревог – все, что опять и опять гнало ее из дома в чужие страны и города, из одной гостиницы в другую.

Но вот воспоминания улетучились, и вновь вернулась острая боль утраты. Ауру охватили горе и ярость. Как знакомы ей эти мучительные ночи, когда часами смотришь в потолок и не можешь уснуть, эти приступы жара, когда все тело словно пылает, это невыносимое отчаяние!

Аура лежала на спине, укрывшись тонкой простыней. Стены здания не спасали от августовского зноя. Даже коридоры гостиницы «Три грации», где не было окон, за день раскалялись, как печь. И ночами жара не спадала.

Высокие окна в номере Ауры (она использовала только одну комнату из трех) выходили на набережную Сены. Зеркальную гладь воды лишь изредка рассекали лодки.

Окна с двойными рамами приглушали шум редких автомобилей, грохот повозок и стук лошадиных копыт. Аура вдруг подумала, что глухая, безлика тишина гостиничных номеров будто бы высасывает жизнь из звуков города, и те становятся плоскими и невыразительными. Эта тишина словно поглощает внешний мир, подменяя его каким-то недоразумением – архитекторы называют это «атмосферой помещения».

Аура задумчиво оглядывала голубые обои с идущим поверху бордюром, изящные комоды, стулья с обивкой бледных оттенков. Она приехала в Париж две недели назад и с тех пор видела эту картину каждое утро, каждый вечер. Обстановка номера – вычурная и роскошная, как и все в гостинице «Три грации», – была совсем не в ее вкусе. С другой стороны, Аура и не пыталась привить себе вкус к вещам. По той же причине она брала в путешествия только черные платья. Просто и элегантно. На все случаи жизни.

Только однажды эта привычка сыграла с ней злую шутку: когда здесь, в одном из самых людных городов Европы, впервые за много лет выдался невероятно жаркий август. Вот уже сколько дней Аура проклинала свои черные платья, но так и не купила что-нибудь посветлее. Ведь она так занята! Хотя по вечерам не могла сказать, что делала целый день...

Ходила по пыльным книжным лавкам и библиотекам. Встречалась со старыми профессорами и чудаковатыми учеными. Бродила по музеям и галереям. С наступлением сумерек, а иногда и глубокой ночью начинались другие дела: Аура проникала в давно опустевшие особняки и дворцы через заколоченные окна и двери, забиралась в подвалы, пряталась в зарослях заброшенных садов, блуждала по пустынным коридорам, и гулкий звук ее шагов был слышен даже на улице. Старые чердаки, где полы прогибались под тяжестью ящиков. Подвалы, доверху набитые книгами, которые давно потемнели от плесени. Заброшенные гостиные, озаренные тусклым сиянием луны...

Бесконечные поиски...

Высвободив руки из-под простыни, Аура потеряла глаза. Солнечный свет уже не так ослеплял, и очертания комнаты стали более четкими – как в аквариуме, в котором мутную воду заменили свежей.

Наконец взгляд ее упал на зеркальный потолок. Кому-то это могло бы показаться непристойным – разглядывать собственное отражение, пока лежишь в постели. Но ведь Париж – город влюбленных! И все же автор идеи зеркального потолка вряд ли задумывался о том, какое зрелище предстанет перед постояльцами утром. Сомнительное удовольствие – едва проснувшись, увидеть себя растрепанным и с заспанными глазами.

Но не копна черных как смоль волос, не круги под голубыми глазами, не бледная кожа на блестящем шелке простыней оборвали размышления Ауры. Сон как рукой сняло, точно ее окатили ледяной водой!

На белой простыне, словно зияющая рана, багровело пятно. Сбросив простыню, Аура вскочила с кровати и испуганно уставилась на темное пятно, силясь понять, откуда оно взялось.

За свою жизнь Аура повидала достаточно крови, чтобы не спутать ее ни с чем другим. Спала она без одежды и, оглядев себя, убедилась, что кровь не ее.

Это был отпечаток руки – прямо в том месте, где простыня укрывала живот Ауры.

Отпечаток кровавой руки.

С шестью пальцами.

Ящик с книгами – с него-то все и началось.

Тогда, больше года назад, Аура наткнулась на понятие «*Verbum Dimissum*». Но и теперь, спустя столько времени, она все еще не знает, что оно означает.

Verbum Dimissum. Утраченное слово.

Оно впервые встретилось ей в книгах, неожиданно пришедших на имя ее отца, Нестора Непомука Инститориса, который умер семнадцать лет назад. В почтовой квитанции значилось, что девятнадцать лет назад, летом 1895 года, эту посылку отправил некий книжный торговец из Бостона, который с тех пор как сквозь землю провалился. В Бостоне его никто не знал; адрес, указанный в квитанции, оказался несуществующим. Сопроводительное письмо из пароходства сухо уведомяло, что ящик по неустановленным причинам послали в порт Бушир в Персидском заливе, оттуда – в Туамасину на острове Мадагаскар и, в конце концов, на Кипр. Там он семнадцать лет пролежал на портовом складе, погребенный под другими посылками. Потом склад решили снести – тут-то ящик и обнаружили, и он продолжил свое путешествие: сначала – обратно в Бостон, а оттуда – снова получателю, чей адрес нашелся в архиве.

Сожалею об этой досадной ошибке и прошу принять во внимание, что компенсация за нанесенный ущерб в данном случае не предусмотрена. С уважением и наилучшими пожеланиями.

И вот когда слуга занес ящик в двери замка Инститорисов и поставил на ковер перед камином, его одиссея наконец завершилась. Сколько людей позавидовало бы странствиям простого дубового ящика!

Аура несколько месяцев изучала его содержимое: что-то – с интересом, что-то – с недоумением, но большую часть книг просто отбрасывала за ненадобностью. А ведь многие из них появились еще на заре книгопечатания. Пролистав тысячи страниц, Аура наткнулась на понятие «*Verbum Dimissum*». И так увлеклась, что вернулась к отброшенным ранее томам и нашла еще кое-какие подробности. Точнее, не подробности. Вопросы. Ведь упоминания, перекрестные ссылки и сноски лишь порождали все новые и новые вопросы...

Verbum. Первое слово Божественного творения.

«В начале было Слово, – так сказано в Евангелии от Иоанна. – И Слово стало плотью».

Все эти загадки и недомолвки, религиозные трактаты, псевдоисторические исследования и алхимические толкования, ничего не значащие слова и игры со смыслами порождали вопросы: где и когда возникло *Verbum Dimissum* и существует ли оно по сей день? Где и когда оно утрачено? И кто последним услышал его, прочел или произнес?

Если это действительно отпечаток руки – а в этом Аура почти не сомневалась, – то, скорее всего, мужской. Пальцы раза в полтора длиннее ее собственных, а лишний палец, второй средний, – точно такого же размера, как и соседний.

Аура уже в который раз потуже затянула пояс.

Кто-то пробрался ночью в комнату и дотронулся до нее через простыню. До сих пор не верится...

Двери закрыты, окна заперты. В первую секунду Аура испугалась, что незваный гость все еще в номере. Она обыскала комнаты и ванную, заглянула во все щели. Ни следа. Ни души.

Кто-то хотел показать ей, как близко может подобраться. Доказать, сколь она уязвима. Сколь незащищена. И одинока. Как будто тут нужны доказательства...

Аура уже давно не вспоминала о Джиллиане (впрочем, кого она обманывает: она только о нем и думала) – хотела казаться независимой. Но разве она независима? Да, денег у нее больше, чем можно потратить, она совершенно свободно переезжает из города в город, пересекая государственные границы. Но какой ценой? Сын ненавидит ее, сестра завидует, а мать... В те редкие минуты, когда Шарлотта приходила в себя, она не выказывала старшей дочери ничего, кроме презрения. Единственная родственная душа – племянница Тесс. Ей всего пятнадцать, на год меньше, чем Джигану, сыну Ауры.

Десять лет прошло с тех пор, как они вернулись из Сванетии. Десять лет назад они с Джиллианом поклялись не расставаться.

А через два года все рухнуло.

И хуже всего, что Аура виновата в этом сама.

Она в сотый раз посмотрела на отпечаток ладони. Кровь давно высохла, впитавшись в белую ткань. Контур расплывался, напоминая веточки бордовых ледяных кристаллов. Обращаться к администратору гостиницы смысла нет. Тот, конечно, пожелает вызвать жандармов, а этого Ауре хотелось меньше всего. Она путешествовала под французским именем и надеялась, что никто не узнает, откуда она.

Аура потрогала кровавый отпечаток. Высохшая кровь на ощупь как кора дерева.

Оторвав взгляд от пятна, она подошла к окну и посмотрела, не наблюдают ли за ней с улицы... Но нет: она увидела лишь несколько автомобилей и повозок да спешащих на работу прохожих.

Отойдя от окна, Аура взяла один из уродливых стульев, стоявших в номере, и подперла входную дверь. Она почувствовала себя чуть увереннее, хотя и знала, что это лишь самообман. Если незнакомцу удалось раздобыть ключ, то и дверь выбить ему труда не составит!

Однако Аура не думала, что он так поступит. Незнакомец действует исподтишка: внушает страх, а не показывает силу. Но все еще впереди. А пока – лишь первое предупреждение. Невозможно сказать, человеческая это кровь или, например, свиная или куриная. Впрочем, даже если кровь не человеческая, легче не становится.

Захотелось крепкого кофе – вот что приведет мысли в порядок и не даст погрязнуть в тысячах догадок. Вернет к реальным фактам.

Кровавый отпечаток, шестой палец, закрытая дверь – вот факты. Остальное лишь домыслы.

На этом все. Что дальше?

Словно в полусне, Аура пошла в ванную. Она чувствовала отвращение к самой себе, будто измазалась в грязи, хотя всего лишь спала. Как долго незнакомец находился в комнате? Прикасался ли он к ней не только там, где остался кровавый след? А сколько времени он стоял, молча разглядывая ее в лунном свете?

На всякий случай Аура положила на край ванны маленький револьвер со взведенным курком. Тот умещался у нее на ладони, но даже шестипалый великан уязвим перед пулей.

Горячую воду в гостинице давали исправно, однако прежде Аура принимала ванну только по вечерам. В этот раз она не стала добавлять в воду масло или пену – просто лежала и рассматривала свое обнаженное тело сквозь зеркальную поверхность воды. В воде очертания ее тела увеличивались, как под лупой.

Даже спустя семнадцать лет Аура все еще могла разглядеть два ряда крошечных рубцов на внутренней стороне бедер. Шрамы остались от золотых колец, которые она когда-то продела под кожу: по одному на каждый месяц заточения в интернате, куда Ауру отправил отец. По дороге туда она и встретила Джиллиана.

Но сейчас есть и более важные предметы для размышлений. Например, кто знает, что Аура в Париже, и кому нужно ее запугивать?.. И все же мысли снова и снова возвращались к Джиллиану. Аура предлагала ему бессмертие. Он отказывался. Два года изо дня в день она отчаянно убеждала и умоляла его, но все бесполезно. Джиллиан не хотел жить вечно, даже из любви к ней. И Аура его понимала. Ее тело навеки останется телом двадцатичетырехлетней девушки, хотя Ауре уже на десять лет больше. Она и в шестьдесят будет выглядеть, как юная девушка. И в двести. Аура хорошо понимала, чего боялся Джиллиан, отвергая ее предложение: неминуемого одиночества, страданий и потери всех, кого он любит...

Они с Джиллианом могли бы жить бок о бок столетие за столетием! Но кто знает, какую злую шутку сыграет с ними время? Вопрос этот мучил Ауру с того самого дня, как она получила бессмертие благодаря цветку Гильгамеша. Сколько она видела влюбленных, которым уже через несколько лет нечего сказать друг другу. Отчего Аура решила, что любовь Джиллиана к ней будет длиться целую вечность? А ее собственная любовь?

Как она была наивна! Как глупа. Понадеялась, что Джиллиан ее простит, и в конце концов подмешала снадобье ему в еду. Цветок подействовал. Джиллиан два дня пролежал в беспомощности, а пробудившись, тут же понял, что сделала Аура. На следующий день он покинул замок Институтисов и отправился на юг. Прочь от Ауры и Джиллиана, их сына.

Аура ударила кулаком по воде – фонтан брызг окатил револьвер. Оружие, охранявшее ее жизнь... Аура усмехнулась. Она бессмертна, конечно, но цветок уберегает лишь от старения и кое-каких болезней, правда, в последнем она не уверена. Одно Аура знала точно: как и все люди, она может умереть насильственной смертью. Как умер ее отец, когда на его горле сжались пальцы, хотя до этого прожил шестьсот лет...

Джиллиан убил ее отца незадолго до того, как они с Аурой повстречались.

И снова Джиллиан...

Она опустила в воду с головой, и ее длинные волосы поплыли по поверхности, как водоросли. Задержала дыхание, словно страх захлебнуться мог заглушить душевную боль. Но задохнуться Аура начала, лишь когда вынырнула и посмотрела на край ванны.

Револьвер исчез.

Аура вскочила, вновь подняв фонтан брызг. Сердце бешено колотилось, Аура жадно глотала воздух, силясь разглядеть револьвер сквозь завесу водяного пара.

Тот лежал на полу. Соскользнул с краешка мокрой ванны. Повезло еще, что не выстрелил...

Аура с минуту стояла в воде неподвижно, словно статуя, – нагая и незащищенная, – глядя на свое отражение в зеркале на мраморной стене. Трусихой она не была даже в детстве, но сейчас ей казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Прочь отсюда, на свежий воздух, прочь из этой комнаты: здесь опасно! Незванный гость оставил после себя незримое присутствие, словно следы на ковре.

Чуть позже Аура в узком черном платье с корсетом, даже не припудрившись и не надев украшений, вышла в коридор. Волосы еще не высохли. Она бы с удовольствием надела брюки, как во время ночных вылазок, но не хотела привлекать лишнего внимания.

В коридоре – никого. Справа и слева – ряды дверей, как в тюрьме. По стенам – газовые светильники. Из какого-то номера раздался приглушенный старушечий смех. От одного этого звука к горлу подступила тошнота. Снова тихо. Из-за другой двери послышался шепот.

Он где-то здесь... Аура чувствовала.

Или это только игра воображения?

С другого конца коридора донесся скрип. Аура оглянулась. Горничная толкала перед собой тележку со свежим бельем, украдкой посматривая на Ауру. Та пропустила девушку и направилась к лестнице. Однако, дойдя до конца коридора, Аура почувствовала чей-то взгляд, остановилась и обернулась. Тележка с бельем одиноко стояла посреди коридора. Все двери были закрыты.

Аура бросилась вниз по лестнице. Ковер на ступенях приглушал звук шагов. В голове молнией пронеслась мысль: что это белело на полу возле тележки? Кажется, чепчик горничной. Уронила, наверное... Кстати, не поздновато ли для уборки? Уже полдень.

В холле на креслах у окна сидела компания стариков. Почти все с газетами в руках. Один старик, у которого колено на пальцах было больше, чем зубов во рту, улыбнулся Ауре. Все подняли глаза, когда она пронеслась мимо, словно смерть в черном одеянии.

Оказавшись на улице, Аура наконец отдышалась. Рядом со стариками на нее накатывала дурнота – побочное действие цветка Гильгамеша.

Аура перешла дорогу и очутилась у реки. Оперлась рукой о парапет. Обернувшись, посмотрела вверх на фасад «Трех граций».

В окне своего номера Аура увидела очертания белого лица. Темные глаза наблюдали за ней.

Но ведь она могла и ошибиться. Наверное, это соседний номер. Или вовсе другой этаж... Просто человек смотрит на реку и считает проплывающие лодки.

Аура снова оперлась о парапет и глубоко вдохнула.

Кровавая рука. Два средних пальца, как два клыка у хищника.

Мимо с шумом проносились автомобили. Ругался кучер.

Ауру окликнули: какой-то человек в грязной одежде протягивал ей лоток с розами из черного стекла. Аура грубо отмахнулась. Улыбнувшись, лоточник кивнул ей и пошел дальше.

Поднялся ветер. С другого берега доносился шум.

К Ауре подбежал чумазый мальчик. На руке у него что-то висело. Одежда горничной?!

Нет, это газеты... Мальчишка – всего лишь разносчик газет.

– Мадам? – обратился он к Ауре и, ухмыльнувшись, протянул руку.

Мальчик ушел с монетой в кармане, а Аура прочла: «Специальный выпуск. Несколько часов назад Германия объявила войну России. Во Франции началась мобилизация...» Такие новости давно уже никого не удивляли.

Что-то выпало из окна гостиницы на мостовую. Что-то белое. Чепчик горничной? Аура шагнула вперед, чтобы получше рассмотреть, но тут перед ней промчался автомобиль.

Мостовая была пуста.

«Джиллиан... – в отчаянии подумала Аура. – Я больше не хочу быть одна».

Но она одна.

Повернувшись, Аура пошла вниз по улице.

Глава

2

Пустыня пела. Пела голосом ветра.

Тесс прислушивалась к песне и даже, казалось, понимала слова. Сказки «Тысячи и одной ночи», мифы езидов, курдов и арабов, легенды тех далеких времен, когда люди верили в джиннов. Тесс сидела на песке по-турецки, хотя ее тысячу раз просили так не делать. «Осторожнее, не то скорпион заползет под платье!» Впрочем, это стало поводом избавиться от нарядов, которые ей вручили по приезду. Тесс обрадовалась и стала носить штаны, хотя профессор часто говорил, что это вызывало недовольство местных рабочих, не привыкших видеть девушек в мужской одежде.

Перед Тесс открывался прекрасный вид на всю территорию раскопок. Из песка посреди глубоких рвов выступали желтые руины – сверху они казались исполинскими буквами давно забытого языка. Сложно представить, что несколько тысячелетий назад тут высился процветающий город Урук, столица Междуречья. Может быть, где-то здесь, в тени величественного зиккурата или под куполом башни, какие можно увидеть на картинках в книжках про Аладдина и Харун ар-Рашида, и стоял трон Гильгамеша.

Тесс приходила сюда одна. Она любила сидеть в одиночестве, слушая ветер и шорох песчаных вихрей, пронесившихся под склоном. Здесь, наверху, перед ней проплывали видения. Удивительные видения.

Например, рыцарь.

Последнее время он часто являлся Тесс – обычно далеким ярким отблеском на горизонте бескрайней персидской пустыни. В его серебристых латах отражались лучи солнца. Порой рыцарь подъезжал ближе, и Тесс могла разглядеть светлый плюмаж над закрытым забралом, хвост белого скакуна и следы копыт на песке. До слуха доносились фыркание коня и лязг доспехов.

– Опять его ждешь?

Тесс подняла взгляд. Перед ней стоял Джиан. Должно быть, она смотрела прямо сквозь него. Неудивительно, что у брата такой озабоченный вид, если она не замечает ничего вокруг. Впрочем, у Джиана всегда такой вид.

Зря Тесс рассказывала брату о рыцаре.

– Нет, – твердо ответила она. – Просто хотела побыть одна.

– Мне уйти?

– Да нет. – Она указала на место рядом с собой. – Садись.

– А скорпионы? – улыбнулся Джиан.

– Будем надеяться, они не такие уж лакомки и не тронут двоих бледнолицых.

Джиан, усмехнувшись, сел у ее ног. Вообще-то бледностью отличалась только Тесс: она унаследовала от матери белую кожу и светлые волосы, которые собирала в конский хвост. Приехав в пустыню, Тесс стала каждый день замечать на носу новые веснушки – Джиан не упускал случая ее подразнить. Почти все считали, что Джиан – родной брат Тесс, хотя на самом деле он приходился ей кузеном. Однако Тесс не чувствовала разницы: Джиан – сын Ауры, а Аура ей как вторая мать.

– Что, надоело склеивать старые горшки? – насмешливо спросил Джиан.

У него были иссиня-черные волосы и густые брови. На рубашке цвета хаки – пятно от утреннего кофе, но здесь на такое не обращали внимания.

Тесс улыбнулась брату, хотя ей не понравился его тон. В последнее время во всех словах Джиана сквозил сарказм, и Тесс это раздражало. Они всегда ладили, но что-то ей подсказывало, что первая ссора не за горами.

Профессор Гольдштейн, начальник археологической экспедиции, с которым Аура познакомилась, когда подробно изучала легенду о Гильгамеше, предложил Тесс поработать на раскопках древней гончарной мастерской. Рабочие наткнулись на нее всего несколько месяцев назад. Тесс провела немало времени, собирая из черепков древние сосуды – сначала просто забавы ради, но вскоре ассистент профессора заметил, что она делает это довольно ловко. С тех пор Тесс поручили восстанавливать редкие находки. Неплохо для пятнадцатилетней девочки!

Тесс чувствовала, что Джиан завидует важности доверенного ей дела. Он был на год старше, но занимался лишь тем, что приглядывал за мальчишками, сыновьями местных жителей, которым поручали выносить корзины с песком и искать там ценные вещи. Некоторые хитрецы прятали находки под одеждой. В обязанности Джиана входило обыскивать их, и, конечно, маленькие бедуины его недолюбливали. Джиан с достоинством выполнял свою неприятную работу, но втайне злился на профессора.

Впрочем – Тесс знала это наверняка, – Джиан винил в своем положении отнюдь не Гольдштейна. Вот уже несколько недель он все чаще раздражался гневными тирадами: мол, Аура просто избавилась от них с Тесс. Именно теперь, когда на родине наконец стало происходить что-то интересное! Тесс же, напротив, боялась грядущей войны. Ее радовало, что Аура отправила их к профессору Гольдштейну в Месопотамию. Ей нравилась пустыня, нравилось работать на раскопках. А рабочие, которые украдкой разглядывали Тесс, потому что никогда не видели такой белокожей и светловолосой девушки, ее нисколько не беспокоили.

– Ты сама знаешь, рыцарь не придет, – произнес Джиан, не глядя на сестру.

Она нахмурилась:

– Я же сказала, что не жду его.

– Ты правда видела его?

– Я никогда тебе не врала. И не вру.

– Но откуда посреди пустыни взяться рыцарю в доспехах? Это же ненормально!

Тесс надула губы, как маленькая девочка:

– Зря я тебе о нем рассказала!

Джиан ничего не ответил, и это обеспокоило Тесс даже больше, чем его упреки и замечания в духе «это же ненормально!». Они оба ненормальные, и Джиан знал это не хуже ее. Разве нормально видеть воспоминания давно умерших предков? Или помнить события, пережитые кем-то сотни лет назад?

– Я тут размышлял...

– О чем?

– О рыцаре.

– Господи, Джиан!

– Нет, серьезно. Ты знаешь, откуда он взялся?

– Ты имеешь в виду воспоминания Нестора и Лисандра?

Джиан кивнул.

– Нет, – ответила Тесс. – Не думаю. Я видела его собственными глазами. Это не воспоминание и уж точно не плод моей фантазии. К тому же мы видим прошлое только вместе.

Тесс чувствовала: Джиана что-то беспокоит. Неужели брат что-то скрывает? Но у них никогда не было тайн друг от друга. Только поэтому Тесс и рассказала Джиану о рыцаре.

– А вдруг... тебе *удалось* вспомнить что-то? Без меня?

– Ты о чем? Мы же поклялись...

– Оставить прошлое в покое. Я помню.

Голос Джиана звучал как-то виновато. Тесс не могла понять, что с ним такое. Или ей показалось? Она и сама в последнее время изменилась. Появление рыцаря напугало ее.

– Просто мысли вслух, – добавил Джиан.

Однако Тесс не хотела вот так отпускать брата. Недосказанности она не терпела – слишком уж хорошо они знали друг друга.

– Мы поклялись больше никогда не погружаться в воспоминания. Мы оба поклялись, Джиан. Ты же согласился. – Тесс пыталась заглянуть брату в глаза, но он отвернулся, устремив взгляд на руины. – Ты жалеешь об этом?

– Нет, – ответил Джиан, чуть помедлив. – Не жалею.

Тесс фыркнула:

– Я больше не хочу видеть эти воспоминания, чьи бы они ни были. Большинство из них страшнее моих самых жутких кошмаров.

Тесс и Джиан часто видели преступления Нестора и Лисандра, совершенные на пути к вечной жизни. Оба были учениками рыцаря-тамплиера Морганта и от него узнали, как противостоять смерти. Все трое заводили дочерей, и впоследствии девушки, едва достигнув совершеннолетия, тоже рожали дочерей от собственных отцов. И так из поколения в поколение – бесконечная цепь кровосмешений. Когда рождались девочки, матерей убивали, а из их крови получали эликсир бессмертия. Столетие за столетием.

Сколько отнятых жизней и пролитой крови!

– Ненавижу это место, – произнес Джиан.

Проследив за взглядом брата, Тесс посмотрела на раскопки: остатки стен торчали, словно обломки зубов; меж ними кишели люди.

– Не вини Ауру. Она хотела как лучше.

– Благими намерениями... – презрительно парировал Джиан. – Мать просто решила от нас отделаться. От меня уж точно.

– Не говори ерунды!

Джиан повернулся, и Тесс ужаснулась, увидев в его глазах ненависть – темную ледяную ярость.

– Она бросила меня, как и отец. И это она виновата в том, что он ушел. Ей нет оправданий.

Тесс хотела возразить, но промолчала. Аура подмешала цветок Гильгамеша Джиллиану в еду, сделав того бессмертным вопреки его желанию. Джиллиан никогда не хотел бессмертия, и тем не менее Аура эгоистично пошла против его воли. Да, из любви, но она все равно поступила неправильно, и все это понимали.

Тесс, однако, боялась, что это понимают все, кроме Джиана. Тот обвинял мать только в том, что в восемь лет остался без отца, проявляя такой же эгоизм, как и она. А теперь, мол, Аура избавилась и от него самого, отправив на край света. Бесполезно что-то доказывать Джиану. Тесс могла бы напомнить о грядущей войне, об опасности, грозящей замку Инститорисов... Но, лишь взглянув на брата, поняла, что это бессмысленно.

– Когда-нибудь тебе придется ее простить, – сказала она.

– Почему это?

– Потому что... она твоя мама.

«Как же наивно звучат эти слова», – тут же подумала Тесс.

Джиан засмеялся, и Тесс стало не по себе от его леденящего смеха.

– Моя мама... – прошептал он. Хотел добавить что-то еще, но промолчал.

Тесс положила руку брату на плечо и испугалась – тот оцепенел, словно она была ему чужая. Но лишь на мгновение – и вот он снова прежний Джиан, человек, которого Тесс знала лучше всех на свете и любила как брата. Придвинувшись к сестре, Джиан положил голову ей на плечо.

Тесс прислушивалась к шелесту песчаных вихрей и разглядывала рисунки ветра на песке, ища в них ответы, словно шаман в пепле от костра.

Отблеск света на склоне. Блик солнца на стали.

Но то оказались лишь несколько рабочих, тяжело шагающих к месту раскопок с инструментами на плечах.

– Тесс!

– Что?

Джиан поднял голову и посмотрел ей в глаза – такие же голубые, как у него.

– Если кто-то совершил ошибку, – неважно какую... Как думаешь, можно ли ее исправить? Каким-то образом...

Тесс молча рассматривала брата, отчаянно желая проникнуть в его мысли. Подумав, она нашла ответ, который вряд ли понравится Джиану.

– Если знаешь, что это ошибка, и все равно совершаешь ее... Нет, думаю, нельзя.

Бросив неопределенный взгляд на сестру, Джиан поднялся.

– Я возвращаюсь в лагерь.

– Джиан!

Он остановился.

– Что?

– Ты же расскажешь мне... Что тебя так гнетет?

Джиан грустно улыбнулся:

– Я тебя люблю, Тесс.

И поспешил спуститься со склона. Он шел, взрывая ногами песок. Тот бесшумно оседал, будто вслед за Джианом от Тесс уходила и сама пустыня.

Тесс на миг зажмурилась.

Блеск стали вдалеке. Как вспышка.

«Боже, что же с нами происходит?»

Фыркание лошади. Может, просто ветер.

«Что происходит *со мной*?»

Этой ночью ей снова не уснуть. Как и всегда в последнее время.

Я не хочу.

«Я люблю тебя, Тесс».

«И я тебя».

Вечером Тесс разглядывала свое отражение, стоя перед мутным зеркалом. Здесь все предметы покрывал тончайший слой песка. Кажется, даже саму Тесс. Иногда она нравилась себе, – когда бывала в хорошем настроении. Например, ее белая как фарфор кожа. Но сегодня Тесс казалась себе бледнее смерти. Джиан подрумянивался на солнце быстрее, чем хлеб в печи. А она? Бледная, как вот тот ворох постельного белья у окна. А еще Тесс считала себя слишком худой. Пусть ей и твердили, что она стройна и сказочно хороша собой – Тесс все равно казалась себе тощей, даже костлявой. А это что за прыщик на лбу?! Она так долго и сильно давила на кожу вокруг него, что та пошла красными пятнами. Остались следы ногтей, напоминающие круги на мишени. Замечательно.

Скорчив самой себе гримасу, Тесс еще раз угрюмо осмотрела пятна на лбу и забралась под одеяло. О Джиане думать не хотелось. Но и спать не хотелось тоже – ведь тогда придется видеть сны.

Закрыв глаза, она снова увидела рыцаря на коне.

Ночью холод пустыни проникал сквозь кирпичные стены, ветер задувал через щели в окнах и под дверями.

Тесс снились горы, среди которых высились неприступные крепости. В их облике причудливо переплетались черты западной и восточной архитектуры.

Что-то случилось в этой горной пустоши. Но, проснувшись, Тесс ничего не могла вспомнить. Ей снились какие-то люди. И какое-то очень важное место, важнее всех других... Но вот почему? Во сне Тесс так и не поняла, а теперь уже какая разница...

Растерянность и любопытство вдруг сменились новым чувством. Страхом.

Тесс поняла: она в комнате не одна.

– Кто здесь?

Темнота такая, что видно лишь очертания окна, едва освещенного звездами, – небо тут кажется бескрайним, а звезды сверкают ярче, чем на родине.

– Кто здесь? – снова спросила Тесс.

Тишина.

Сев на кровати, она тут же услышала шорох. Удаляющиеся шаги.

Тесс боролась с желанием закричать, позвать на помощь. Нет, она взрослая и справится сама. По крайней мере, пока незванный гость не вытащит кинжал. Пока не нападет.

Может, все же стоит закричать?

«Нет, ты уже не ребенок».

Ни с того ни с сего дверь открылась – причем изнутри! В проеме мелькнула фигура – чуть выше самой Тесс – и тут же скрылась в коридоре. Местные двигаются украдкой, будто скользят, а тут совсем другая походка.

– Джиан? – едва слышно прошептала она. Тесс так растерялась, что не могла злиться. Что ему нужно ночью у ее кровати?!

Тесс не хотела знать ответ, даже если он очевиден. Ведь они поклялись друг другу, Джиан сам этого хотел! Больше никаких воспоминаний.

Может, она обозналась и в дом просто пробрался один из рабочих? А ей посчастливилось избежать чего-то страшного.

Да, *должно быть*, это рабочий. Не Джиан. Точно не Джиан.

Вскочив, Тесс мигом натянула широкие брюки, которые для нее укоротила жена профессора, заправила в них ночную рубашку, застегнула ремень и выбежала в коридор босиком.

Кто бы ни пробрался в ее комнату – времени скрыться у него было достаточно. Тесс слишком мешкала. Но в глубине души даже обрадовалась этому, ведь правды она боялась.

Тем не менее Тесс двинулась вперед по темному коридору, мимо закрытой двери в профессорскую спальню, и вошла в гостиную, служившую еще и столовой. Оттуда двери вели в кухню, в две маленькие кладовые и в кабинет, где профессор Гольдштейн раз в неделю рассчитывался с рабочими. Чтобы те не заходили в дом, в кабинете был также отдельный вход. Обычно дверь между кабинетом и гостиной закрывали, но сейчас она оказалась открыта. Взгляд Тесс упал на тяжелый стальной сейф. В гостиной оказалось куда холоднее, чем в ее спальне, тут был сквозняк. Заглянув в кабинет, Тесс увидела, что наружная дверь также распахнута.

Может, стоит разбудить профессора? Тут что-то нечисто. Кажется, кто-то пытался похитить деньги из сейфа. А потом решил заскочить на минутку в комнату Тесс – полюбоваться на белокурую чужестранку.

Другая девушка запаниковала бы, если бы к ней в комнату кто-то пробрался. Но Тесс лишь с облегчением вздохнула: напрасно она подозревала Джиана. Почему бы не заглянуть к нему в комнату и не убедиться, что он лежит в своей кровати?

Сердце стало биться спокойнее. Тесс продрогла от ночного ветра, но заметила это только сейчас. Кожа покрылась мурашками. На столе, у сейфа и под потолком тени были черные, как ночное небо. Тьмой наполнилась и гостиная за ее спиной – все там стало чужим и зловещим.

Пропадала хорошо знакомая комната, где они обедали, играли в карты, слушали истории профессора.

Сквозь открытую дверь в свете звезд виднелись дюны. Песчаные склоны казались серыми, словно они не из песка, а из льда...

Засов отодвинут. Значит, дверь открыли изнутри!

Снова мороз по коже – уже не от ночного холода. Тесс съежилась, скрестила руки на груди, но теплее не стало. Пройдя темную комнату, она выглянула наружу.

Следы на песке вели не к дому, а прочь от него!

Расстояние между следами большое: тот, кто их оставил, не шел, а бежал.

«Только не это, – взмолилась про себя Тесс, – пожалуйста, только не это».

Шагнув за порог, она осмотрелась по сторонам. Следы вели за угол.

«Не ходи туда, – уговаривала Тесс саму себя. – Возвращайся в кровать, спи дальше, сделай вид, что ничего не произошло!»

И все же она пошла по следам вдоль светло-коричневой кирпичной стены. Во всем лагере один лишь профессорский дом был из кирпича. Справа в ряд выстроились деревянные сараи, за ними – палатки рабочих. Кое-где тускло мерцал огонь, но голосов слышно не было. После непосильного, почти каторжного труда на раскопках лишь у немногих хватало сил сидеть ночами у костра за разговорами.

Однако следы вели не к палаткам рабочих, а в противоположном направлении! Там, на крутом склоне, стояли сараи с запасными инструментами. Ходили туда нечасто.

Тесс пошла по следам на песке. Казалось, будто невидимая рука сдавливает ей горло. Опасность ее не пугала. Гораздо больше Тесс боялась того, что ей предстоит найти. Точнее, *кого...*

Дойдя до первого сарая, метрах в шестидесяти от дома, Тесс повернула за угол.

– Эй! – крикнула она.

В ответ – только тихий шелест ветра.

След терялся во тьме между двумя сараями. Сразу за ними возвышалась дюна, будто спина мертвого кита, выброшенного на сушу во время Всемирного потопы. Тесс вдруг показалось, что пахнет дымом. Но кругом мрак, костра нигде не видно! Наверное, ветер принес сюда дым со стороны лагеря.

Дверь кабинета открыли изнутри, из дома. Значит, подозрение падает на профессора, его жену или Джиана.

– Джиан! – крикнула Тесс в темноту.

Никто не ответил. Тесс увидела брата, лишь подойдя почти вплотную к сараям. Джиан ждал ее. И хотя он старался держаться самоуверенно, было видно, что он ужасно нервничает.

– Что все это значит? – Голос Тесс срывался.

– Ты о чем?

Тесс остановилась прямо перед Джианом. Где-то вдали заревел верблюд – как будто от боли.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я! Ты был в моей комнате.

Мало того что брат предал ее, так еще и за дурочку держит! Тесс не знала, что хуже.

– И что?

Голос Джиана звучал непривычно. Он, как и Тесс, говорил тихо, но уже без сарказма. Словно нашаливший ребенок, который был пойман с поличным и теперь ждет страшного наказания.

– Как ты мог? – Тесс решила, что так просто от него не отстанет. – Даже когда ты прочел мой дневник, ты поступил не так подло.

Она словно пригвоздила Джиана взглядом к стене. Теперь-то он не отвертится! Тесс готова была броситься на брата с кулаками. В последний раз они дрались еще в детстве, лет в девять.

– Я... – Он осекся и молча уставился на сестру.

Джиан, обычно так похожий на мать, теперь вдруг стал совсем другим. Наверное, так выглядела Аура, когда Джиллиан ушел от нее: пристыженной, но по-прежнему твердо убежденной в своей правоте.

Джиан тоже предал человека, доверявшего ему. Конечно, никаких ужасающих последствий его поступок не имел. Но будь Тесс проклята, если простит его!

– Как часто? – не унималась Тесс. – Как часто ты приходишь ночами в мою комнату, чтобы покопаться в воспоминаниях Нестора и Лисандра?! Мы ведь поклялись больше не делать этого, Джиан! А я-то думала, все эти рыцари и замки просто снятся мне. Но нет, это воспоминания! Ты погружался в них, используя для этого меня!

– Без тебя никак. Это работает, только когда мы вместе.

– А хотя бы спросить меня ты не подумал?!

На мгновение в его глазах сверкнула ярость.

– Дать клятву – твоя идея. И что бы ты ответила, если бы я спросил? Да ты бы ни за что не согласилась!

Он ее обманул! Использовал! Больше всего Тесс хотелось ударить Джиана.

– Поэтому ты решил просто взять все в свои руки, да? Раз за разом под покровом ночи подкрадываться к моей кровати и просто... просто пользоваться моей памятью! – Тесс покачала головой, представив себе эту картину. – Это подлю, Джиан... Как ты мог так поступить? А я-то думала, что знаю тебя.

– Да что же такого плохого я сделал?! Я к тебе ни разу не прикоснулся!

Теперь в его голосе зазвучали нотки отчаяния. Как у ребенка, который вот-вот расплачется. Но выдавать свои чувства Джиан не хотел – в этом Тесс не сомневалась.

Так ли хорошо она на самом деле знает Джиана?..

– Ведь я рассказывала тебе о своих кошмарах... Ты знал, что я переживаю каждую ночь. Но это тебе не помешало, правда?

На мгновение запах дыма усилился, а потом ветер унес его прочь. В темноте снова заревели верблюды.

– Я не хотел причинить тебе боль... – оправдывался Джиан. – Не хотел, чтобы тебя мучили кошмары. Но все же по-другому нельзя.

– Почему же?

– Потому что прошлое Нестора... спрятано где-то в нас. Как и прошлое Лисандра. Знания и опыт двух самых могущественных алхимиков! И они могут стать нашими, Тесс. Неужели ты не понимаешь?

– А потом? Чего мы добьемся? – Тесс поняла, к чему он клонит. Не дав брату ответить, она тут же добавила: – Это все из-за Ауры, да? Она больше пятнадцати лет изучает алхимию. А ты думаешь, что сможешь превзойти мать, если получишь доступ к воспоминаниям Нестора и Лисандра. Задумал ее перешеголять!

Джиан удивленно посмотрел на Тесс, а потом кивнул. Но Тесс видела: брат чего-то недоговаривает.

– Да, ты права, – согласился Джиан, однако его смущение казалось ненастоящим, наигранным. Отговорка, чтобы Тесс прекратила свои расспросы и оставила его в покое. – Мать предала отца, предала и меня. Она избавилась от него, теперь хочет поступить со мной так же. Хочет, чтобы я ее возненавидел! Чтобы я как можно скорее исчез из ее жизни, а она жила бы дальше в свое удовольствие. Занималась своей проклятой алхимией!

– Нет, все совсем не так. Ты же знаешь. Может, тебе и кажется, что ты ненавидишь свою мать, может, ей и самой так кажется, но, поверь мне, это не так.

– Ты как будто проповедь читаешь!

Шагнув вперед, Тесс влепила Джиану звонкую пощечину. Верблюды все не унимались. Теперь еще и собака залаяла.

Джиан молчал. Щека его покраснела, но он и глазом не моргнул.

«Я его теряю, – внезапно осознала Тесс, – теряю, как потеряла Аура».

Глядя друг на друга, они почувствовали себя совсем взрослыми. Нужно было принять какое-то решение, но Тесс не смела даже думать ни о чем таком – не то что произнести вслух.

– Ты не должен был... – только и прошептала она. – Ты все испортил...

– Все даже хуже, чем ты думаешь, – ответил Джиан так тихо, что Тесс засомневалась, правильно ли расслышала его слова.

Глаза ее наполнились слезами. Она отвернулась, чтобы Джиан не увидел.

А когда Тесс снова повернулась к Джиану, его точно ветром сдуло.

Она и не заметила!

Следы вели не к дому, как сперва подумала Тесс. Они терялись в темноте между двумя сараями, а затем уходили вверх по дюне. Но там лишь пустыня. На тысячи километров – одна пустыня.

– Джиан! – Тесс взбиралась на дюну, увязая по щиколотку в песке. – Джиан, черт тебя поberi!

Он повел себя как упрямый ребенок! Просто убежал, ушел от ответа. Идиотский поступок.

Скоро Тесс стала задыхаться, жадно глотать ртом воздух. Снова почувствовала запах дыма, но не придавала этому значения. Она должна образумить Джиана! У нее нет ни малейшего желания каждую ночь запирается в комнате, боясь, что брат вновь захочет погрузиться в прошлое и доказать свое превосходство над матерью. Он должен признать свою ошибку! Здесь и сейчас, этой ночью, хотя бы и посреди пустыни. Только тогда их отношения наладятся.

«Кого ты пытаешься обмануть? Ты же видела его, слышала, что он сказал. Джиан прекрасно понимает, что натворил. Понимает, что причинил тебе боль. Предал тебя. Ты все прекрасно знаешь – так будь честна с собой».

Взобравшись на дюну, Тесс, запыхавшись, схватилась рукой за бок.

Джиан стоял у подножия другой дюны, их разделяло метров сто, не больше. Брат был не один.

Рядом – какие-то люди... Много людей. Черные силуэты на светлом песке.

И автомобиль с широкими колесами. В лагере есть машина, но выглядит она совсем по-другому. Профессор не раз ругался, что она бесполезна, потому что колеса при движении утопают в песке. А эта модель куда лучше. Следы шин на песке извивались, словно змеи, огибая соседнюю дюну.

Один из незнакомцев что-то говорил Джиану, схватив того за плечо. Джиан пытался вырваться, но держали его крепко.

Поборов желание окликнуть брата, Тесс поскорее легла на песок. Заметили ее или нет? Надо помочь Джиану. Пожалуй, лучше всего поскорее бежать в лагерь!

Внезапно где-то сзади прогремели выстрелы! Ветер снова принес едкий запах дыма.

Тесс лежала на песке и, обернувшись, ничего не увидела. Она очень испугалась за Джиана, а тут еще выстрелы... Тесс совсем растерялась. Потом, перевернувшись, отползла немного назад и осторожно встала на колени.

Из окон кирпичного дома вырывалось пламя. Полыхали палатки. Повсюду бегали перепуганные рабочие – кто едва одет, кто вообще нагишом. Среди них Тесс разглядела темные

силуэты – такие же, как у машины. Черная облегающая одежда. Черные повязки, скрывающие лица. На саблях и кинжалах играют отблески пламени.

Стоя в пижаме у горящего дома, профессор Гольдштейн стрелял в нападающих из охотничьего ружья. Те валились на землю, но из темноты их тут же появлялось вдвое больше. Они проворно приближались к профессору.

Сердце Тесс билось и трепетало, как пойманная птица.

Тесс увидела жену профессора. Фрау Гольдштейн, эта почтенная дама, никогда не терявшая самообладания, блуждала, словно слепая, возле сараев у подножия дюны. Растрепанные волосы были опалены с одной стороны. Из глаза лилась кровь. И как ее до сих пор не заметили в белой ночной рубашке?

Тесс бросилась вниз по склону. Помочь Джиану или профессору она не могла, а вот фрау Гольдштейн, блуждавшую неподалеку, еще можно было отвести в укрытие. Пошатываясь, та бесцельно бродила между сараев. Никто ее не преследовал.

Спустившись с дюны, Тесс оказалась у сараев, разделявших ее и жену профессора. На миг она потеряла фрау Гольдштейн из виду и побежала еще быстрее. Один лишь инстинкт управлял Тесс, внутренний голос подсказывал, что она нужна там, за сараями, где пожар окрасил небо золотом, словно среди ночи взошло солнце.

Только обогнув последний сарай, Тесс смогла оценить масштабы бедствия. Краем глаза она заметила, как один из нападавших установил шест, и что-то поднималось по нему. На миг ей показалось, будто это бьющийся в конвульсиях человек. Но потом Тесс узнала цвета флага Британской империи.

Англичане в черных повязках, сжигающие дотла лагерь немецких археологов?! Похоже на обманный трюк с целью навести на ложный след тех, кто обнаружит трупы.

Тесс замерла на месте, точно по колено увязла в песке.

Неподалеку лежала жена профессора, в отчаянии протягивая к Тесс руку. Лицо залито кровью. Вот пальцы вздрогнули, рука упала на песок. Ее хрип донесся до Тесс сквозь грохот и шум, а затем прервался. Как в полусне, Тесс вдруг осознала, что и выстрелы профессора давно умолкли.

На спине фрау Гольдштейн зияла рана. Над ее телом, широко расставив ноги, стоял человек в черном и вытирал окровавленную саблю о ее ночную рубашку.

Вдруг он заметил Тесс.

Тяжесть в ногах вмиг пропала. Вскрикнув, она бросилась назад, к сараям.

Тени вокруг постепенно обретали очертания. Тесс различала тела, руки, ноги и даже глаза – тут она поняла, что все кончено.

Позади нее в ночи развевался флаг.

Впереди блеснула сталь.

Сильный удар пришелся на спину и сбил ее с ног.

Глава

3

Позже Аура с трудом припоминала события того дня. Вечером она вернулась в гостиницу. Пальцы пахли переплетным клеем, перед глазами плясали буквы готического шрифта, спина болела от долгого сидения в читальном зале. Аура как следует обыскала номер, убедилась, что дверь заперта изнутри, и даже придвинула к ней комод. Окна тоже были закрыты. Незваному гостю пришлось бы взбираться по отвесной стене, чтобы залезть к ней.

Кровать застелена свежим бельем, запачканную простыню убрали. Интересно, что подумала горничная, обнаружив кровавый отпечаток ладони? Хорошо хоть, в номере ее не встречает директор гостиницы: «Мадемуазель, позвольте вас на минутку!»

Ночью Аура просыпалась несколько раз. На том берегу Сены собрались националисты: они маршировали, громко пели и стреляли в воздух. В остальное время спала она крепко и снов не видела.

Тем не менее наутро Аура почувствовала себя совершенно разбитой. Только увидев чистую простыню и убедившись, что никаких следов проникновения в номер нет, она понемногу начала приходить в себя. Головокружение прошло окончательно, когда она позавтракала круассанами.

Аура вышла на улицу. Мимо проходили люди с транспарантами, на набережной ораторы произносили пламенные речи, тут и там слышались крики газетчиков. Очувтившись в толпе, Аура вновь почувствовала, что за ней наблюдают.

Ее преследуют? Вот какой-то мужчина смотрит прямо на нее поверх газеты. Пробегающие мимо дети показывают пальцем... На нее? Нет, на бродячую собаку, которая улеглась под стеной дома. А вон женщина что-то крикнула. Ей? Нет, знакомой в толпе, и та помахала в ответ...

Безумие.

Аура сходит с ума.

Это началось не с кровавого отпечатка. И даже не с приезда в Париж. Хотя здесь явно стало только хуже.

В замке Аура все чаще ссорилась с Сильветтой. Прежде она думала, что сестра охотно исполняет роль хозяйки дома. Та уверенно, со знанием дела командовала прислугой – Аура так не умела. Сильветта раздавала поручения, обсуждала с кухаркой меню, время от времени перебрасывалась парой слов с деревенскими горничными и даже деликатно ставила на место заносчивых слуг, выписанных в основном из Берлина. Сильветте пришлось немало пережить в детстве и юности, но теперь она стала настоящей хозяйкой: могла и прислугой распорядиться, и сама помочь на кухне, если понадобится.

Ауре и в голову не приходило, что на самом деле сестра глубоко несчастна. Больше того: несчастна она именно из-за Ауры.

Причина проста: зависть. Сильветта завидовала свободе, которую получила Аура, пережив на ее плечи всю ответственность за замок. Завидовала поездкам по Европе, пусть никогда и не проявляла особого интереса к другим странам. Завидовала знаниям, которые Аура за семнадцать лет приобрела в лаборатории и библиотеке отца. Дело даже не в алхимии – она-то как раз не слишком занимала Сильветту, – а в обычном школьном образовании, в способностях сестры к языкам. Аура не раз заставляла Сильветту в библиотеке со словарями, справочниками по естествознанию, с учебниками истории или иностранных языков, с книгами пьес и стихов. Но та по-прежнему чувствовала, что не дотягивает до Ауры, и старалась как можно чаще показывать: именно на ней лежат все повседневные обязанности, пока старшая сестра

прячется в саду на чердаке, изучая диковинные растения, которые отец выращивал в своей громадной теплице.

Сестры не раз спорили об этом, но чаще всего споры заканчивались тем, что Сильветта настаивала на интеллектуальном превосходстве Ауры. Мол, с ней невозможно говорить: Аура ее не понимает и, *честно говоря*, никогда не пыталась понять.

Сильветта не завидовала лишь одному. Когда Аура предложила ей бессмертие, она, как и Джиллиан, отказалась. Больше они к этому не возвращались. Аура понимала: на примере Лисандра и Морганта Сильветта своими глазами видела, во что превращает человека многовековое существование.

Аура же, напротив, считала Сильветту умнее себя. Ведь сестра легко справлялась с повседневными трудностями, пока сама Аура терпела одно фиаско за другим.

Аура не раз совершала ошибки. После ухода Джиллиана казалось, что хуже уже некуда, но вот Аура потеряла еще и сына. Жизнь, как бы долго она ни длилась, утекала, словно песок сквозь пальцы, а вечность теперь сулила не только большие возможности, но и большие опасности.

И Аура с головой погружалась в исследования, в бесцельные поиски того, чего сама до конца не понимала. Что такое *Verbum Dimissum*, ради которого она приехала в Париж? Что это за слово, с которого началось сотворение мира? Если Аура отыщет его – неважно, услышит или прочтет, – что делать дальше? Впрочем, пока рано думать об этом. Сам процесс поисков побуждал двигаться дальше и какая разница, что будет потом? А пока поиски помогают заполнить пустоту в душе и дают на время забыть о неудачах.

Безумие.

Похоже, Аура сходит с ума.

И вдобавок за ней наблюдают.

Сев в экипаж, Аура отправилась к Филиппу.

Тот жил в одном из многочисленных особняков, принадлежавших Инститорисам. Впрочем, еще неизвестно, что от всего этого богатства останется после войны. Филипп Монтелье много лет арендовал этот дом – еще с тех пор, когда был жив Нестор. После смерти отца имущественные дела семьи долгое время не волновали Ауру, но затем она стала получать со всей Европы тревожные письма нотариусов и юристов. Больше откладывать было нельзя. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Аура занялась вступлением в наследство.

Оставив экипаж у кованых ворот, Аура пошла по дорожке. Она знала, кто откроет дверь, и не хотела давать ему ни малейшего повода усомниться в том, что у нее все прекрасно. Рафаэль, конечно, с радостью ухватится за малейшее проявление ее слабости.

Одному дьяволу известно, почему Филипп вдруг помешался именно на этом парне. Безусловно, Рафаэль красив, но ведь красивы были все любовники Филиппа, а их за последние годы Аура повидала немало. Рафаэль лишь очередной фаворит, которого Филипп удерживает при себе только щедрыми подарками. Он и сам это прекрасно понимает. Их отношения – взаимовыгодная сделка, особенно удобная для человека с состоянием и предпочтениями, как у Филиппа.

Рафаэль, однако, был непохож на других. Около года назад Аура приезжала в Париж, и Рафаэль бесцеремонно предложил ей уединиться в одной из многочисленных спален дворца. Аура тогда приехала без предупреждения, и Филиппа дома не оказалось. Рафаэль, якобы предпочитавший мужчин, оказался очень настойчив. Интересно, Филипп знает?

Тогда-то Аура и сломала Рафаэлю нос.

С тех пор границы дозволенного были обозначены четко.

– Аура! – с наигранной радостью воскликнул Рафаэль, открыв дверь. – Как я рад! – Стоя в дверях, он пристально разглядывал ее с головы до ног и, похоже, не собирался впускать в дом. – Тяжелая выдалась ночь, да?

Так это его рук дело?! Это он, на деньги Филиппа, нанял одного из своих подозрительных дружков, чтобы напугать Ауру? Нет, у Рафаэля на такое фантазии не хватит. К тому же он, вероятно, боится, что Аура расскажет Филиппу про его домогательства. Нет, Рафаэль, конечно, подлец, но к происшествию в гостинице отношения не имеет.

Тем более у Ауры появилось другое объяснение, и с течением времени оно казалось все более правдоподобным. Самое время обсудить с кем-нибудь свои подозрения.

– Пусти, Рафаэль. Мне надо увидеть Филиппа. Он усмехнулся, изо всех сил стараясь выглядеть доброжелательно:

– У Филиппа много дел. Ты же знаешь про бал. Лучше зайди как-нибудь в другой раз.

Темные брови Рафаэля резко выделялись на фоне белокурых волос. Он был стройным и гибким, как цирковой артист. Лет десять назад Аура даже сочла бы его привлекательным.

– Не валяй дурака, Рафаэль!

Тот не шелохнулся. Аура рассерженно оттолкнула его в сторону. Вот чего он добивался! Вынудил прикоснуться к себе, хотя ей это неприятно. Аура готова была вцепиться в него – только бы не видеть этой самодовольной ухмылки.

Но вместо этого она уставилась на Рафаэля, точнее, на его нос – единственную часть лица, утратившую свою безупречность. Перелом сросся криво. Видя, как смутился Рафаэль, Аура тайне ликовала. Теперь и в его оружии – красоте – был изъян. Словно липовый листок на плече убийцы дракона.

Взгляд Ауры, похоже, задел Рафаэля. Он резко отвернулся и захлопнул дверь.

Аура победоносно прошла через холл в бальный зал. Завтра вечером Филипп устраивает бал-маскарад – то ли в честь начала войны, то ли в знак протеста, Аура так и не поняла. Приготовления шли полным ходом.

Филипп – единственный человек в Париже, которому Аура доверяла настолько, чтобы поделиться своими подозрениями.

Дубовые створки двери, ведущей в зал, были открыты. Вокруг Филиппа Монтелье суетились слуги. Он размахивал руками направо и налево, требовал повесить драпировки повыше, показывал, куда ставить столы. Время от времени он заговаривал с двумя музыкантами в уличной одежде, обсуждая с ними завтрашнюю программу.

– Аура! – воскликнул он с улыбкой, заметив ее. Оставив все дела, Филипп поспешил к ней навстречу через огромный зал. – Ты-то мне и нужна!

Она улыбнулась.

– Уверена, тебе никто не нужен.

Филипп провел рукой по пышным седым волосам, достававшим до плеч. Редко у кого в пятьдесят лет бывает такая роскошная шевелюра.

– Ошибаешься, – ответил он. – Мне нужен мужской взгляд.

– Вот как? – Аура удивленно приподняла бровь.

– В тебе же мужского больше, чем в некоторых мужчинах, – пояснил Филипп, подмигивая Ауре.

Вспомнив, как сломала Рафаэлю нос, она согласилась.

Взяв Ауру за руку, Филипп мягко, но настойчиво потянул ее в центр зала, попросил осмотреться и засыпал вопросами. Она как могла старалась оправдать его ожидания. Пришлось признать, что Филипп не ошибся насчет мужского взгляда. Другая женщина увешала бы зал гирляндами и пестрыми лентами, расставила бы повсюду цветы, но Аура была не такая, как другие женщины. Филипп надеялся, что Аура даст какой-нибудь дельный совет, однако она ничего не смыслила в декоре. Он вскоре понял, что толку от нее не добьешься, и уже после третьего совета задавал вопросы лишь из вежливости.

– Ну ладно, это может подождать, – наконец сказал Филипп. – Что же привело тебя сюда? Я думал, мы увидимся только завтра вечером, на балу. – Он нахмурил брови. – Ты ведь придешь?

Кивнув, Аура оглянулась. Слуги с любопытством наблюдали за ними.

– Мы можем поговорить наедине? – спросила она вполголоса.

– Конечно.

Аура заметила, что Филипп встревожился. Надо было прийти еще вчера. Он всегда такой предупредительный, так приветливо улыбается, так внимательно слушает! Идеальный собеседник. Поговорив с ним, Аура бы точно успокоилась. К счастью, еще не слишком поздно. Филипп повел ее в соседнюю комнату. Рафаэль пошел было за ними, но Филипп захлопнул дверь, не позволив молодому любовнику войти.

Он налил два бокала хереса, зная заранее, что придется выпить и за Ауру: она была не в том настроении.

– Чем тебе помочь, любовь моя?

Одному лишь Филиппу Аура прощала такое обращение – за его особый шарм. Он говорил это без тени отеческой заботы или покровительства, а совершенно искренне: «любовь моя».

Собравшись с мыслями, Аура выплеснула на Филиппа все, что накопилось. Рассказала о кровавом отпечатке руки и о том, что не чувствует себя в безопасности: ей кажется, что за ней наблюдают и даже преследуют. Еще о том, что поиски *Verbum Dimissum* по-прежнему безуспешны, и о том, как ее мучает совесть: ведь Сильветта с матерью остались в замке, так близко к линии фронта!

Филипп слушал Ауру не перебивая, то и дело брал ее за руку и терпеливо ждал, пока она договорит. Потом встал, налил себе третий бокал хереса и повернулся к ней.

– Тебе следовало принять мое предложение и остановиться здесь.

Тогда Аура отказалась, чтобы избежать домогательств Рафаэля. Но сейчас не лучшее время обсуждать это с Филиппом.

– Возможно... – Она нерешительно пожала плечами.

– Запасной ключ от номера достать нетрудно, – продолжал Филипп. – Деньги открывают доступ ко всему. Даже не спрашивай, сколько я заплатил, чтобы в разгар мобилизации организовать фуршет на двести человек. Не говоря уж о молодых красивых официантах, которые будут подавать гостям шампанское.

– Положим, проникнуть в номер действительно нетрудно, – ответила Аура. – Но что от меня нужно тому, кто это сделал?

– Очевидно, не так уж много. Иначе он бы получил свое, верно?

– Ты умеешь утешать!

Филипп погладил Ауру по голове.

– Прости. Не думай, что я отношусь к этому несерьезно. Почему бы тебе не послать за багажом и не переехать ко мне? Можешь оставаться сколько пожелаешь.

Аура хотела было согласиться. Она даже представила, как разберется с Рафаэлем... Но все же отказалась.

– Не стоит. Спасибо. – Она помотала головой.

– А что, если тебя и впрямь преследуют?

Знаешь, в последнее время я немного... – Аура запнулась. – Немного не в себе. Еще эта история с Джианом... Видел бы ты его перед отъездом! Он был в ярости! Из писем Тесс ясно, что он не успокоился. Мой сын уверен, будто я выгнала из дома сперва его отца, а теперь и его самого!

– А он что, хотел воевать? – Допив херес, Филипп отставил в сторону пустой бокал. – Неужто Джиян верит во всю эту чепуху о славе, чести и отечестве? Как жаль всех этих молодых

ребят, рвущихся на фронт! Ведь ни один из них не понимает, что им предстоит. Они не знают, что такое быть солдатом, сражаться на фронте. И проиграть в битве.

– Джиан вырос на острове, в замке. Не думаю, что его мог затронуть весь этот патристический угар.

– Но ты не уверена? – приподняв бровь, спросил Филипп.

Аура стыдливо опустила глаза.

– Нет. Я так мало о нем знаю!

Может, все было бы иначе, если бы Аура не провела столько лет в лаборатории на чердаке. Как же она не понимала, что повторяет ошибку отца? В детстве Аура почти не видела Нестора, а потом тот отправил ее бог знает куда. И она ненавидела отца за это!

За дверью, ведущей в бальный зал, о чем-то заспорили, потом послышался грохот и ругательства. Закатив глаза, Филипп устало опустился в кресло у камина.

– Ладно, давай вернемся к отпечатку... Как думаешь, что это значит?

– Я со вчерашнего дня ломаю над этим голову и, кажется, догадалась, в чем смысл послания.

С чего бы начать? Филипп смотрел на нее не отрываясь. Аура считала его самым близким другом и знала: уж он-то ей точно поверит. Несколько лет назад Аура рассказала Филиппу о цветке Гильгамеша, и тогда он ни на секунду не усомнился в ее словах. Филипп был немного знаком с Нестором и неплохо разбирался в алхимии, хотя, конечно, Аура подозревала, что для него это лишь дань моде. С давних пор Париж считался столицей алхимиков. В высшем свете оккультные кружки и спиритические сеансы пользовались огромным успехом, а о Великом делании здесь говорили примерно как о погоде. Филипп же был весьма падок на разные модные штучки. Иногда Аура сама себе удивлялась: почему она так доверяет этому человеку? Но один его взгляд, взволнованный и в то же время успокаивающий, убеждал: он единственный, кто ее выслушает.

– Шесть пальцев, – наконец вымолвила Аура. – Рука с шестью пальцами. Ничего не напоминает?

– Нет...

– Церковь Святого Бонавентуры.

– Святого Бонавентуры? – недоуменно переспросил Филипп.

– Ну да, церковь в Лионе. А еще северный портал Шартрского собора. Да и церковь Сен-Вульфран в Абвиле. Примеров множество! Видишь связь?

Филипп растерянно пожал плечами:

– Может, просто расскажешь, что ты имеешь в виду?

– Их объединяет *роза* определенной формы.

– Роза? – все еще не понимая, спросил Филипп. Вообще-то он любил при случае блеснуть знаниями, но сейчас, похоже, попал впросак. – Поясни!

– Розой называют круглое окно в центре средневекового собора. Во многих соборах оно действительно сделано в виде розы с шестью лепестками. И некоторые алхимики считают, будто архитекторы Средневековья отыскивали ключ к Великому деланию, к созданию философского камня или *Aurum Potabile*¹ – как ни назови, суть одна.

– Ну и при чем тут отпечаток руки на кровати?

– Роза с шестью лепестками – это не просто украшение. Это символ шестиконечной звезды – Звезды волхва.

Филипп нервно улыбнулся, будто Аура на чем-то его подловила:

– Я понял: мне стоило проводить больше времени за книгами, чем в обществе молодых красавцев.

¹ Золотой напиток (лат.).

– Легенда о Звезде волхва очень древняя. Впервые звезда упоминается в тексте шестого века. Автор рассказывает о народе, жившем много столетий назад где-то далеко на Востоке и владевшем волшебной «Книгой Сета». В этой книге предсказывалось рождение Сына Божьего и появление звезды, которая укажет верующим путь к нему.

– Так это легенда о Вифлеемской звезде?

Эти легенды очень похожи. Однако в «Книге Сета», если она действительно существовала, звезда появляется задолго до Рождества Христова, а не после, как в Библии. Возможно, евангелисты опирались на легенду из «Книги Сета» – в этом нет ничего необычного, ведь чтобы описать чудеса Нового Завета, они перекроили десятки, если не сотни древних мифов. Но вернемся к звезде. Мудрецы, прочитав о ней в «Книге Сета», выбрали двенадцать волхвов – по-нашему, магов. Каждый год после жатвы двенадцать волхвов поднимались на гору и ждали появления звезды, которая возвестит рождение Сына Божьего. Они ждали годы, десятилетия, столетия. Когда волхв умирал, его место занимал сын, затем внук и так далее, поколение за поколением. И вот однажды ночью на горизонте засияла шестиконечная звезда. Заметив ее, волхвы пошли туда, куда она указывала. Тринадцать дней они следовали за звездой, не испытывая ни голода, ни жажды. Наконец они достигли цели и своими глазами увидели Сына Божьего. – Немного помолчав, Аура продолжила: – Эту часть истории знает каждый ребенок, с той лишь разницей, что в Библии вместо двенадцати волхвов упоминаются три.

Пока Аура говорила, Филипп встал, снова наполнил свой бокал и заходил по комнате. Толстые ковры приглушали звук шагов.

– А при чем тут окна соборов?

– Есть мнение, что роза с шестью лепестками символизирует шестиконечную Звезду волхва. И во многих соборах узоры окон больше похожи на звезду, чем на цветок. Некоторые алхимики считали соборы каменными учебниками, способными открыть путь к осуществлению Великого делания. Как и древние волхвы, они искали путеводную звезду, которая приведет их к цели: к мудрости... и бессмертию. – Последнее слово прозвучало так, словно было неприятно Ауру.

Филипп отставил в сторону пустой бокал.

– Звезда волхва приведет к философскому камню?

– Тот, кто последует за шестиконечной звездой, однажды доберется до цели, – кивнула Аура.

– И ты думаешь, тот кровавый отпечаток – это вовсе не рука, а...

– Нет, это именно отпечаток руки. Но руки с шестью пальцами. Как шестиконечная звезда и роза с шестью лепестками. Как ты не понимаешь, Филипп?! Этот отпечаток – знак. Специально для меня. Знак, оставленный человеком, который был уверен, что рано или поздно я разгадаю его послание. Человеком, знающим, кто я.

Филипп долго сидел молча, нахмурившись. Аура даже забеспокоилась. Затем он вновь заходил туда-сюда перед камином, о чем-то напряженно думая.

Наконец Филипп остановился.

– Ты считаешь, это угроза?

– Я долго думала и пришла к выводу: нет, не угроза. Ведь Звезда волхва направляет, а не предостерегает.

Филипп вздохнул:

– Зачем тогда кровь? Почему не чернила?

– Очевидно, мы имеем дело с человеком, знающим толк в театральных эффектах.

– Но кровь также может означать, что путь, на который тебе указывают, опасен. – Филипп пристально посмотрел на Ауру. – И что тебе не стоит на него ступать.

– Возможно...

С Аурой произошла удивительная перемена. Вчера утром, обнаружив отпечаток, она не на шутку перепугалась. За весь день она так и не смогла заставить себя заняться изучением *Verbum Dimissum* – все думала, что может означать рука с шестью пальцами, пока наконец не вспомнила легенду о звезде. Еще по дороге сюда Аура не была уверена, что ей вообще стоит об этом думать, но теперь, после разговора с Филиппом, ею овладело любопытство. Наконец-то Аура наткнулась – вернее, ее натолкнули – на нечто, касающееся ее лично, на нечто конкретное – в отличие от абстрактного *Verbum Dimissum*. Когда-то она пустилась на поиски Слова в надежде заполнить пустоту в сердце. И вот благодаря таинственному незнакомцу, похоже, нашла что-то более или менее определенное. Месяцы изучения *Verbum Dimissum* не дали Ауре того, что дали несколько часов размышлений о Звезде волхва. Она сделала первый шаг на пути к самой себе, к прежней жажде познания. Алхимия ей давно наскучила, но теперь Ауре предстояло разгадать тайну, которая имеет к ней самое непосредственное отношение.

– Но ведь отпечаток руки сам по себе не указывает никакого направления, – заметил Филипп.

– Именно поэтому я жду второго знака.

Филипп глубоко вздохнул:

– Ты неразумна, девочка моя. Очень неразумна! Надеюсь, ты запрешь дверь сегодня ночью.

Подавшись вперед, Аура взяла Филиппа за руку. Впервые ей бросились в глаза его морщины. Он никогда не просил разделить с ним тайну цветка Гильгамеша. Впрочем, никто, кроме Джиллиана, не знал, что тот растет в замке Инститорисов, в саду под крышей, на могиле Нестора. На могиле бессмертного – единственном месте, где он мог вырасти.

– Не бойся за меня, пожалуйста, – мягко сказала Аура, не выпуская руку Филиппа. А ведь он годился ей в отцы!.. – Если мне и дадут второй знак, то явно не в гостиничном номере. Ведь если звезда действительно указывает направление, то знак появится в каком-то другом месте.

– И где ты собираешься его искать?

– Не думаю, что есть необходимость в поисках. Если мои предположения верны, тот, кто оставил отпечаток, хорошо меня знает. И попробует предвидеть мои действия. – Аура натянуто улыбнулась. – Вспомни о волхвах: они просто забирались на гору и смотрели на небо, только и всего. Мне тоже надо смотреть в оба. И ждать, когда появится звезда.

Но ей не удалось убедить Филиппа.

– Не нравится мне все это...

– Да и мне тоже, – согласилась Аура и задумалась, не соврала ли. Ведь если кровавая рука вытянет ее из бездны жалости к самой себе, она не будет возражать.

– Что ты планируешь делать дальше?

– Попробую разузнать побольше о Звезде волхва. Может, ответ кроется в самой легенде.

– Мне кажется, ты не знаешь даже вопроса, на который собираешься искать ответ.

Поразмыслив, Аура кивнула. Все верно. Она не знает ничего. Ни вопросов, ни ответов. Перед ней лишь пустое игровое поле. Ходить можно в любом направлении.

– Ты считаешь, что ступаешь на этот путь ради самой себя, – сказал Филипп. – Но ты неправ.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думаешь, что выбора нет. И тебе это нравится. Теперь-то Джиан не сможет упрекнуть тебя, что ты сама отдаляешься от семьи. Тебя вынудили, и отказаться нельзя.

– По-твоему, я использую это как предлог?

Филипп мягко покачал головой:

– Предлогом были поиски *Verbum Dimissum*. Но сейчас все иначе. – И добавил тише: – Вопрос лишь в том, поймет ли это Джиан...

Глава

4

Средиземное море. Лето в самом разгаре. Бесконечная череда волн. Небо прозрачное, как драгоценный камень. Горячий южный ветер приносит песок из африканской пустыни. Не разберешь, что это скрипит на зубах: то ли песок, то ли морская соль.

Джиллиан стоял на носу корабля, прикрыв глаза рукой от солнца, и смотрел на север. Вдали виднелось побережье Сицилии – едва различимый мазок кисти на горизонте. Скорее бы сойти на берег!

Но нет, они не причалят у берегов Сицилии, как бы сильно ни хотелось Джиллиану вновь ступить на итальянскую землю. Когда он жил в Венеции (пусть она и гораздо севернее), все было куда проще. Дворец Нового ордена стал ему родным домом. Джиллиан ощущал это острее, чем остальные братья, ведь именно здесь восемь лет назад он нашел пристанище, где мог зализывать раны.

Джиллиан печально смотрел то на далекий берег, то на море. Многое переменялось за год. Даже сама поездка давалась труднее. В прошлый раз, когда они впервые пересекали Средиземное море, им никто не мешал. Теперь же путь ежедневно преграждали то канонерские лодки из Италии и Франции, то английские или немецкие корабли. Иногда их останавливали для проверки груза и пассажиров, будто в трюме небольшого транспортного судна могла прятаться армия, готовая к нападению. Они не заходили ни в чьи территориальные воды, но это и неважно, ведь в последнее время все страны вдруг почувствовали себя новыми хозяевами Земли.

Джиллиан знал: эта поездка опасна. Да и вся миссия – весьма рискованное предприятие. Знать бы, во имя чего они так рискуют! Самому поверить, что он не просто исполняет последний каприз умирающего... Но он не мог.

В лицо дул теплый бриз. Вздохнув, Джиллиан обернулся и, прислонившись к перилам, стал смотреть на палубу.

Стройная девушка с короткими темными волосами поднялась по лестнице с нижней палубы. Она заметила Джиллиана и мельком улыбнулась ему. Тот кивнул в ответ: мол, все в порядке, все хорошо. Проводил ее взглядом, пока она грациозно шла в сторону капитанского мостика. Девушка – звали ее Каризма – знала, что он смотрит. А Джиллиан знал, что она знает. Им предстояло общее дело.

Такова воля Ласкари. Он поручил им это перед смертью. Точнее, поручил Джиллиану. Но Ласкари знал, что Каризма последует за ним. Ведь она всегда была рядом, с самого первого дня в Новом ордене.

Джиллиан резко вдохнул горячий воздух, продолжая наблюдать, как Каризма поднимается по узкой стальной лестнице на капитанский мостик. На ней – белые брюки и длинная светлая рубашка. Из-за ветра рубашка облепила тело, обозначив миниатюрную упругую грудь. Каризма сделала вид, что не заметила, как Джиллиан резко отвернулся, и захлопнула за собой скрипучую дверь, ведущую на мостик.

Джиллиан покачал головой. Опять Каризма будет донимать капитана. Упрекать, что судно идет слишком медленно, угрожать, что снизит плату за проезд. Если она не прекратит, однажды ночью команда – восемь матросов, капитан и старший помощник – попробует выкинуть ее за борт. Конечно, у матросов нет ни малейшего шанса справиться с двумя рыцарями Нового ордена, но поймут они это слишком поздно, когда ситуация уже накалится до предела. На этом судне Джиллиан и Каризма проделали долгий путь: прошли от берегов Синай-

ского полуострова по Суэцкому каналу, добрались до центра Средиземного моря, и Джиллиан злился, ведь Каризма рисковала всем из-за своей нетерпеливости.

Притом втайне Джиллиан уже давно согласился с ее подозрениями: капитан намеренно не пускает машину на полную мощность. Вероятно, рассчитывает получить с пассажиров больше оговоренной суммы.

Но будь в этих домыслах хоть крупица правды, Джиллиана и Каризмы здесь бы не было.

Дверь, ведущая на мостик, распахнулась. Обернувшись напоследок, Каризма что-то гневно крикнула и побежала вниз по лестнице. Джиллиан не хотел вмешиваться, но Каризма уже направилась к нему. Только этого ему сейчас и не хватало!

– Вот свинья! – выругалась Каризма, остановившись рядом с Джиллианом. Ее испанский акцент становился еще очаровательнее, когда она злилась. Но лучше откусить себе язык, чем сказать ей об этом. – Он угрожал, что выбросит нас за борт!

«Ну вот, опять», – подумал Джиллиан.

Он тяжело вздохнул, глядя на море. Иногда вид волн его успокаивал. Но не сейчас. Где уж тут успокоиться, когда рядом взбешенная Каризма!

– И как мы попадем в Испанию, если он и впрямь попытается? – не унималась Каризма. Она с такой силой ухватила за перила, что на руках выступили вены. – Что с нами будет, если мы перережем горло всей команде?

– Мы не станем никому резать горло, – спокойно ответил Джиллиан, не оборачиваясь.

– Ну конечно! – фыркнула Каризма. – Конечно не станем. Только вот они не оставляют нам выбора!

– Не горячись. Я поговорю с капитаном. Позже.

Почему же Каризма не обрушит весь свой гнев на него? Ведь Джиллиан не вступился за нее – наоборот, собирается извиниться перед капитаном, сделать хорошую мину при плохой игре. Но Каризма не обиделась – и, очевидно, не только потому, что Джиллиан теперь – магистр ордена.

Нет, тут другая причина. И Джиллиан о ней знал.

– Ненавижу море, – немного погодя сказала Каризма.

– Не на кого кричать?

– Помимо всего прочего – да, – улыбнулась она.

– Осталось недолго. И худшее уже позади.

«Если, конечно, по нам не ударят торпедой с канонерской лодки», – продолжил про себя Джиллиан.

– А что дальше?

Пальцы Каризмы скользнули по перилам, едва не коснувшись правой руки Джиллиана.

Да уж, вряд ли Ласкари хотел именно этого. Новый орден – последняя ветвь ордена тамплиеров, а во главе стоит нерешительный магистр, наполовину мужчина, наполовину женщина. Ну разве может он решать судьбу целого ордена, если даже заигрывания Каризмы так его смущают?

А что, если Ласкари предвидел это? Не нарочно ли отослал Джиллиана в Испанию, чтобы оставшимися на родине братьями, в соответствии с уставом ордена, руководил брат Джакомо или кто-то другой, более подходящий на роль магистра? Ведь Джакомо и другие братья просто созданы для молитв и благочестивой жизни в стенах монастыря, а бывший наемный убийца пригоден разве что для грязной работы.

Но какую роль тогда играет Каризма в планах почившего магистра Ласкари? Тот прекрасно знал, что она чувствует к Джиллиану. Хотел ли Ласкари подвергнуть нового магистра испытанию? Но ради чего, черт возьми?! К тому же за ними ведь никто не наблюдает...

Джиллиан прикрыл глаза и вдруг почувствовал чье-то прикосновение. Он резко отдернул руку, но, открыв глаза, понял, что это был лишь ветерок. А Каризма все так же держалась за перила.

Стыдливо посмотрев на нее, Джиллиан понял, что она не заметила его испуга. А если и заметила, не подала виду.

– Когда-то у меня была собака, – начала вдруг Каризма. Взгляд ее блуждал над океаном. – Маленькая дворняжка. Я сама была еще ребенком. Бросала ей палку, а она бежала за ней и приносила к моим ногам. Так всегда играют с собаками. Как-то раз я перебросила палку через расселину в скалах. Слишком широкую – собаке не перепрыгнуть. И она это знала. Понимаешь? Знала, что не сможет прыгнуть так далеко. И все же попыталась. Ради меня. То ли из верности, то ли из любви... Она прыгнула. Хотя понимала, что не допрыгнет. Она сделала это.

– И что? Допрыгнула?

С печальной улыбкой Каризма отвернулась и молча пошла обратно к лестнице на нижнюю палубу.

На перила рядом с Джиллианом села чайка.

Нос корабля рассекал пену волн.

Чайка посмотрела на Джиллиана, а затем взмыла в небо и полетела прочь.

Каризма скрылась из виду.

Наверху, на мостике, выругался капитан.

Из ниоткуда появилась черная канонерская лодка и направилась прямо к ним.

Две недели назад. Жара. Пустыня. Синайские горы.

Стоя на вершине Джебель-Мусы, Джиллиан старался ни о чем не думать. Взгляд его медленно скользил по горным хребтам, бурым шероховатым вершинам. Куда ни глянь – всюду лишь песок и скалы.

Местность эта ему не нравилась. Если бы монахи из монастыря Святой Екатерины не приняли их столь радушно, Джиллиан не провел бы тут и двух дней.

Неподалеку от него стояла небольшая часовня – по преданию, на этом самом месте Моисей получил от Бога десять заповедей. Часовня из бурого гранита вот уже много столетий высилась над отвесным склоном. Долгие годы она противостояла ветрам, время от времени приносившим в горы жар пустыни. Чуть западнее стояла крохотная мечеть, в которой едва ли поместится десяток человек.

Джиллиан был один. Он нередко поднимался сюда. С вершины местность казалась еще печальнее, еще пустыннее. Однако внизу, в долине, где стоял монастырь, среди гигантских гор, застывших солнце, он чувствовал себя словно в темнице, выстроенной миллионы лет назад. А тут, на вершине горы Моисея, воздух не пах мужским потом и ладаном, да и сам монастырь с его жесткими правилами и обрядами был далеко. Здесь Джиллиан мог дышать полной грудью, не думая о том, что за ним наблюдают. Здесь он не ловил на себе недоверчивые взгляды: мол, не разберешь, то ли мужчина, то ли женщина. Едва ли со времен основания монастыря императором Юстинианом в VI веке местные хоть раз встречали такого, как он. Гермафродита, человека, в котором сочетаются мужское и женское начало. Джиллиан одевался как мужчина, но в конце концов монахи узнали правду. Он утягивал грудь бинтами, чтобы она казалась плоской. По лицу же трудно было догадаться, мужчина перед тобой или женщина: черты расплывались, словно в дымке. В присутствии Джиллиана мужчины часто чувствовали себя неловко, он сбивал их с толку, заставляя усомниться в своих предпочтениях. Женщин, наоборот, тянуло к Джиллиану, они открыто демонстрировали это, так что ему часто становилось неловко. За всю жизнь он любил только Ауру. Но в ответной любви к нему та зашла слишком далеко.

Джиллиан обязан ей тем, что в возрасте тридцати семи лет перестал стареть. Ей и цветку Гильгамеша. Теперь он такой же, как Аура.

В долине раздался звон колокола.

Джиллиан удивился своему спокойствию. Ведь это условный сигнал, поданный братом Джакомо. Сигнал, означавший, что Ласкари при смерти.

Джиллиан бросился вниз, к монастырю. Чтобы подняться, потребовалось три часа; обратный путь займет почти столько же.

Пробежав семьсот ступеней и пологий каменный склон, Джиллиан очутился на широком плато, окруженном скалами. Монахи называли это место амфитеатром семидесяти мудрецов израильских – по преданию, спутники Моисея остались тут, а он пошел дальше, на вершину, где и встретился с Богом.

Умывшись в источнике, Джиллиан поспешил дальше – мимо скита отшельника, через тенистую оливковую рощу, вдоль кипарисов, и наконец достиг верхней из трех тысяч ступеней, ведущих к монастырю Святой Екатерины.

Древние гранитные плиты давно потрескались и стерлись. Джиллиан с трудом удерживал равновесие, изо всех сил старался спускаться осторожнее. Братья ордена с ужасом ожидали этого дня уже несколько месяцев, но вместе с тем были рады, что страдания Ласкари наконец прекратятся. В последние две недели Джиллиан почти не покидал келью умирающего магистра. Но этим утром Джакомо и Каризма уговорили его отдохнуть хотя бы день. Вместо того чтобы удалиться в свою келью и поспать, Джиллиан отправился на Джебель-Мусу. После стольких дней и ночей, проведенных у постели умирающего, полных боли и страданий, Джиллиану необходимо было излить душу солнцу и ветру.

Преодолев треть пути, Джиллиан очутился у каменной арки – такой узкой, что пройти можно только в одиночку. Здесь, между гранитных стен, когда-то ждал паломников святой Стефан Первомученик, чтобы отпустить им грехи.

Дыхание Джиллиана участилось, когда он наконец обогнул последний выступ скалы и увидел перед собой монастырь Святой Екатерины. Древние квадратные постройки с плоскими крышами того же бурого цвета, что и скалы вокруг. Чуть дальше раскинулся монастырский сад, где росли кипарисы и фруктовые деревья.

Семнадцать монахов жили в монастыре Святой Екатерины, подчиняясь строгим правилам. На их гостей, членов Нового ордена, восьмерых мужчин и женщину, эти правила также распространялись. Джиллиан воспротивился им с самого начала. Он не возражал против подъема в полтретьего ночи и скудной трапезы раз в день. Но вот ежедневно проводить по несколько часов за молитвой и участвовать в богослужениях отказался, хотя и понял довольно быстро, что здесь больше не на что тратить время. Вместо этого Джиллиан помогал перебирать зерно, которое бедуины поставляли в монастырь, и вот уже несколько месяцев дни напролет проводил в монастырской библиотеке. Однако свое истинное предназначение он видел в уходе за Ласкари.

Джиллиан вбежал в ворота монастыря, пересек узкий проулок между строениями и очутился у двери гостевого дома, где его с нетерпением ждала Каризма. В изнеможении он оперся о дверной косяк.

– Я не опоздал?

– Нет. С ним Джакомо и несколько монахов. Но Ласкари хочет говорить только с тобой.

Джиллиан кивнул. Этого он и опасался, ведь Ласкари уже намекал, кого хочет сделать новым магистром ордена.

Джиллиан направился в дом, но Каризма остановила его, взяв за руку, и протянула бутылку с водой.

– Вот, выпей. Нехорошо будет, если ты придешь к Ласкари, умирая от жажды.

Глаза ее сверкали, как вода на солнце. словно она долгое время берегла этот блеск в глазах для одного Джиллиана.

Улыбнувшись, Джиллиан выпил разом полбутылки и допил остальное, пока они поднимались по узкой лестнице. Приближаясь к келье Ласкари, он почувствовал дух старости. К горлу подступила тошнота. Этим Джиллиан тоже обязан Ауре и ее проклятому цветку.

Келья Ласкари по размерам была такая же, как кельи остальных членов ордена, нашедших приют в монастыре Святой Екатерины. Со временем Джиллиан перестал различать, где он проснулся, – у себя или у магистра. За прошедшие месяцы он приобрел способность спать сидя, на расстоянии вытянутой руки от постели умирающего.

Войдя в келью, Джиллиан встретился взглядом со своим ближайшим другом, братом Джакомо. Тот стоял у постели магистра вместе с другими братьями – Ионой и Гиоргиосом. Здесь же находился и отец Евгений, настоятель монастыря, грек, как и большинство местных монахов. Остальные братья ордена толпились у входа в келью.

Джиллиана мутило, но он старался этого не показывать. Проводя долгие месяцы у постели Ласкари, он все время пытался избавиться от отвращения к старости, которое приобрел вместе с бессмертием. В результате Джиллиан просто привык к тошноте, спазмам в желудке и рвотным позывам, но так до конца и не излечился.

– Джиллиан, – прошептал обессиленный Ласкари, едва приоткрыв рот.

Лицо его оставалось неподвижным. Большая часть серебристых волос сбрита, особенно тщательно – вокруг шишки размером с кулак над левым ухом. Чудо, что Ласкари вообще может говорить. Ведь почти круглые сутки он лишь кричал от боли.

– Джиллиан. Подойди.

Вот уже много дней Ласкари не мог произносить слова так четко.

Джакомо и остальные отошли в сторону. Никто не увидел неуважения в том, что Джиллиан присел на край кровати и взял Ласкари за руку. Все знали, сколько любви и заботы он подарил магистру в последние месяцы.

Костлявыми, похожими на птичьи когти пальцами Ласкари сжал руку Джиллиана. Лицо старика казалось совершенно мертвым – двигались только глаза.

– Я... рад, что ты здесь.

Каждое слово походило на стон.

– Я же говорил, что всегда буду рядом.

Джиллиан отсутствовал всего несколько часов, и теперь его мучила совесть. Надо же было уйти именно сегодня, именно сейчас!

– Ты станешь магистром Нового ордена, – сказал Ласкари прямо. Он понимал, что для торжественных слов времени не осталось.

Подняв взгляд, Джиллиан посмотрел на Джакомо, Иону и Гиоргиоса. Джакомо медленно кивнул.

– Они уже знают.

После каждого слова Ласкари надолго умолкал. И каждый раз Джиллиан боялся, что именно это слово – последнее.

В голове у Джиллиана появилось несметное количество возражений и отговорок. Главное – он не хотел быть магистром. Ведь он не истинный христианин. Джиллиан не проводил за молитвой и половины того времени, что проводят другие. Неохотно исповедовался. Обет безбрачия считал фарсом, ведь после Ауры потерял всякий интерес к женщинам – по крайней мере, до встречи с Каризмой. Первой женщиной в Новом ордене с незапамятных времен – пожалуй, в последний раз женщин посвящали в тамплиеры еще в Средневековье. Ласкари принял Каризму в орден вскоре после того, как она появилась на пороге дворца. И это было смелым шагом. «Как ты, – сказал он тогда Джиллиану. – Она такая же, как ты».

– Я не могу стать магистром, – начал Джиллиан. – Я не такой, как вы.

Слабая отговорка.

– Женское начало в тебе столь же сильно, сколь и мужское, – ответил Ласкари удивительно спокойно и отчетливо. – Ты дашь ордену новую жизнь, и он вернет себе доброе имя. Все рано или поздно меняется. Ты достаточно силен, чтобы отказаться от старого и сотворить что-то новое. И в Адаме сильно было женское начало, раз Господь создал Еву из его ребра. Он стал прародителем человечества. И ты станешь прародителем, Джиллиан.

Джиллиан хотел было возразить, но Джакомо, подойдя сзади, опустил руку ему на плечо. Такую легкую – словно из бумаги. Уже не в первый раз Джиллиан осознал, насколько стары остальные члены ордена. Не считая Каризмы, все они уже перешагнули порог семидесятилетия. Немногие из них проживут еще десяток лет.

Ясно, чего хотел Ласкари. Вдохнуть в орден новую жизнь. Принять новых братьев и сестер – вслед за Джиллианом и Каризмой. Свежая кровь смоет ошибки стариков и при этом сохранит их наследие. Ласкари грезил обновлением ордена столько, сколько Джиллиан его знал, но у магистра никогда не хватало энергии, чтобы порвать с традициями и воплотить в жизнь свои планы. Приняв в орден Джиллиана, он пошел на эксперимент. Следующий шаг – посвящение Каризмы. Может, Ласкари не остановился бы на этом, если бы им не пришлось сломя голову бежать из Венеции.

У Ласкари хватило сил привести их сюда, в безопасное место. Оно может стать для ордена как временным убежищем, так и могилой. Теперь решать это предстоит Джиллиану.

«Что я должен делать?» – подумал Джиллиан и сам не заметил, как произнес эти слова вслух. Остальные восприняли это как знак согласия. Им казалось, будто Джиллиан уже обдумывает, как вести их отсюда в новое место, а орден – в новую эру.

Одна лишь Каризма знала, что творится в душе у Джиллиана. Она вошла в келью, хотя ее и не звали, протиснулась между братом Гиоргиосом и отцом Евгением и присела рядом с Джиллианом.

– Это твоя жизнь. И твой выбор. Так сделай его! – прошептала Каризма ему на ухо.

Уголки рта Ласкари дрогнули. Впервые за много дней старик попытался улыбнуться.

Колокола зазвонили к вечерне. За окном свистел ветер. Ряса отца Евгения раздувалась, словно черный парус.

Джиллиан едва заметно кивнул.

Ласкари объяснил Джиллиану, что делать. Потом в последний раз глубоко вздохнул – и воздух с хрипом вышел из его легких.

Проверив все документы и грузовые отсеки, солдаты с итальянской канонерской лодки велели капитану не задерживаться в этих водах дольше, чем необходимо. «Вы что, не слышали, что начинается война? Не знаете, какие опасности вам грозят? Пора бы, черт возьми, показать этим проклятым русским, кто тут хозяин!»

Итальянцы отчалили, и тут Джиллиан понял, что Каризма была права. Судно могло бы идти быстрее, стоило капитану отдать приказ.

Разыгрался ветер, и Джиллиан решил спуститься вниз. Он увидел, что дверь в каюту Каризмы открыта и хлопает от каждой волны, бьющейся о нос корабля. На миг Джиллиана охватило беспокойство: не стоило ей ругаться с капитаном! Но потом он понял: это тут ни при чем.

Это приглашение. «Входи, Джиллиан. Входи и прикрой за собой дверь». Она его приглашала.

Джиллиан захотел ворваться внутрь и высказать Каризме все. Объяснить, что ее поведение только все усложняет. Но, толкнув дверь, к своему удивлению, обнаружил, что каюта пуста.

Обернувшись, он увидел Каризму.

– Ищешь кого-то? – спросила она с детской непосредственностью. Голос ее звучал отнюдь не наигранно.

Джиллиан почувствовал себя полным дураком. Но все же ему удалось выдержать вызывающую улыбку Каризмы.

– Дверь была открыта. Я забеспокоился.

– Я выходила в туалет.

– Вот как.

Каризма протиснулась мимо Джиллиана в каюту, слегка задев его грудь, но ничуть не смутилась.

Джиллиан последовал за ней в каюту без приглашения, даже не задумавшись о том, стоит ли входить. И вот он уже рядом с Каризмой у ее койки.

– Мы ни разу об этом не говорили, – начала она.

– О чем? – спросил Джиллиан, хотя догадывался, что Каризма имеет в виду.

– О Пальме. Что мы будем там делать?

«А, так она про миссию».

– Будем выполнять поручение Ласкари, – ответил Джиллиан. – Отправимся во дворец тамплиеров в старом городе и поищем следы испанского ордена.

– Знаешь, это будет непросто...

Почему она так на него смотрит? И опять эта насмешливая ухмылка, этот двусмысленный взгляд.

– Капитан думает, мы женаты, – добавила Каризма.

Джиллиан пожал плечами: мол, к их заданию это не имеет отношения. Хотя еще как имеет. Успех их предприятия зависит и от того, удастся ли им противостоять взаимному влечению.

Джиллиан задумался: как Каризме удастся следить за собой и приятно пахнуть даже в такой поездке?

– Если Ласкари прав, мы обязательно что-нибудь найдем в Пальме. – Джиллиан поспешил вернуться к теме разговора. – Какой-нибудь намек на то, что нам делать дальше.

Каризма склонила голову набок:

– А если не найдем? Вернемся назад?

– Если не найдем, тогда и будем думать.

– Само собой.

Джиллиан пытался мыслить ясно.

– Поедем в Испанию и продолжим поиски.

– Ладно, поговорим об этом, когда придет время.

Каризма постоянно атаковала Джиллиана его же оружием. Удавалось ей это превосходно. Лучше, чем кому бы то ни было.

Глядя в карие глаза Каризмы, Джиллиан вспомнил голубые глаза Ауры, ее темные брови... Интересно, где она теперь? В безопасности ли она и остальные? На это Джиллиан мог только надеяться.

Ему следовало быть сейчас рядом с сыном. Германия объявила войну России. Вскоре на Балтийском море начнутся сражения. Что тогда станет с замком Инститоров на одном из крохотных островков у самого побережья? Что станет с его обитателями?

– Джиллиан?

– Что?

– Мне показалось, ты...

– Все в порядке.

– Переживаешь из-за Жиана?

Джиллиан рассказывал Каризме о сыне. И об Ауре. Даже о цветке Гильгамеша. Она знала о нем все, и теперь Джиллиан немного жалел о своей откровенности... Тайн от Каризмы у него

не осталось. А что Джиллиан знал о ней? Она провела детство в доме дяди, историка и теолога, и тот рассказал ей о Новом ордене.

Но это ничтожно мало. Лишь краткий эпизод. Ясное дело, Каризме есть что рассказать, и Джиллиан надеялся однажды услышать историю ее жизни.

– Это из-за Джианы? – вновь спросила Каризма. – Если твои рассказы о его матери хоть наполовину правда, она позаботится, чтобы с ним ничего не случилось.

– Да, конечно. – Джиллиану больно было думать о сыне, поэтому он опять сменил тему. – Так что ты думаешь? Ласкари не зря все это затеял?

Хотела бы я знать... В Средние века Испания была оплотом тамплиеров. Существует ли там и сегодня ветвь ордена? Даже если существует, сомневаюсь, что она больше и влиятельнее Нового ордена. Что касается другого предположения Ласкари... Кто знает?

– Это не предположение. Он был убежден.

Джиллиан сдержал вздох, хотя подозревал: Каризма давно догадывается, что он и сам считает эту поездку бессмысленной. Они погнались за фантазией. Ласкари рассказал, что незадолго до побега из Венеции ему стало известно еще об одной ветви ордена тамплиеров, сохранившейся в Испании со времен Средневековья. В отличие от Нового ордена, испанская ветвь якобы и сегодня обладает огромной властью. Ласкари надеялся, что легендарные сокровища тамплиеров, так и не обнаруженные инквизиторами в Средние века, еще существуют. Их оберегают испанские тамплиеры.

Часть этих богатств причитается братьям Нового ордена. Их хватит, чтобы обновить орден, обеспечить ему влияние, привлечь новых братьев и сестер. Именно этот план Ласкари поручил осуществить Джиллиану.

«Отправляйтесь в Пальму. В бывшем дворце ордена на Балеарских островах можно найти указания на то, где находятся наши испанские братья сейчас. Следуй за ними. Разыщи их. И потребуй то, что наше по праву».

Почему же Ласкари назначил Великим магистром именно его? Ведь их миссия, скорее всего, закончится тем, что Джиллиана попросту убьют. Если он вообще найдет тамплиеров испанской ветви и предъявит свои требования.

На пальце Джиллиан носил кольцо-печатку XIII века со знаком ордена, а в багаже вез свиток секретных документов, доказывающих правомочность его притязаний. Но хватит ли этого, чтобы убедить испанцев? Даже если они поверят Джиллиану, зачем им отдавать часть своих богатств?

Просто смешно. Глупая шутка. Ласкари посмеялся над ним и Каризмой. Братья испанского ордена пошлют их ко всем чертям.

Это если испанская ветвь вообще существует. Как и сокровища тамплиеров.

Проводя ночи у постели умирающего, Джиллиан слышал множество подобных историй. Ласкари, увядавший с каждым днем, казалось, искренне верил в эти легенды. Но одно дело – выслушивать небылицы, ласково поглаживая руку больного, и совсем другое – проехать ради них полмира.

– Знаю, о чем ты думаешь, – сказала Каризма.

– О чем же?

– Ты не особенно стараешься скрыть свои мысли, – усмехнулась она.

В ее присутствии Джиллиан вообще ничего не скрывал. В этом заключался главный талант Каризмы, превосходящий даже ее мастерство в обращении с мечом, даже ее решительность, даже ее красоту... Если она замысливала выманить у Джиллиана какую-то тайну, ей это удавалось. Одним взглядом. Движением руки. А иногда и молчанием.

– Ладно, поживем – увидим, – произнес Джиллиан.

– Да.

Он почувствовал, что именно в эту секунду Каризма приняла какое-то решение. Она коснулась руки Джиллиана, мягко, словно легкий ветерок там, на палубе.

– Испания, – сказала она.

Одно слово.

Джиллиан кивнул. Каризма права. Не имеет значения, что они найдут в Пальме.

Испания. И где-то там – древние сокровища.

– Ты и я, – прошептала Каризма. – Мы поедем туда вместе.

Джиллиан вышел из каюты.

Когда он обернулся, дверь уже была закрыта. Без единого звука.

И без сожалений?

Глава

5

«Теперь ты француженка!»

«Говори как француженка! Будь как француженка!»

«Да, черт возьми, думай как француженка!»

Мысли эти роились у Ауры в голове, когда она выходила с тихой улочки на бульвар, кишевший людьми. Она влилась в толпу, как стремительный горный ручей в реку.

А если кто-то узнает, откуда она на самом деле? Что она вовсе не маркиза де Монферрат, за которую себя выдает уже несколько недель? Что тогда? Ауру обругают и оплюют? Поташат в жандармерию? Или сразу разорвут на куски?

Пожалуй, разорвут. И никакие жандармы не помогут.

Каждую секунду Аура ждала, что на нее вот-вот станут показывать пальцем, что ее имя прогремит, как гром среди ясного неба:

«Аура Инститорис! Смотрите, это Аура Инститорис!»

«Немка! Шпионка! Враг!»

Бесконечные уговоры, попытки убедить саму себя: мол, тебя никто не знает, никто за тобой не следит – совсем не помогали.

Бесполезно.

Ауре было страшно. Нет, не за Джиана и Тесс. И не как в детстве, когда она боялась умереть. И даже не как десять лет назад, когда она вступила в борьбу с Лисандром и Моргантом. Нет, сейчас она испытывала страх перед неизвестностью и не могла с ним совладать.

Вокруг – десять тысяч французов, и каждый из них пылает ненавистью к немцам. Десять тысяч французов спешат на вокзал – провожают сыновей, братьев и мужей на фронт. А те едут убивать немцев. Таких же, как Аура.

Но никто не показывал на нее пальцем. Никто не называл ее по имени. Люди кричали: «Да здравствует Франция!», окликали друзей, знакомых и родственников.

Бульвар превратился в бурлящий поток – если Аура не вырвется, толпа утащит ее прямо к воротам вокзала и дальше, на платформу. Она окажется среди ликующих матерей, которые пока не подозревают, что предстоит их сыновьям, среди девушек, с гордостью провожающих своих возлюбленных. Их лица омрачены лишь мыслью о краткой разлуке. Никто и не думает о смерти.

С большим трудом Ауре удалось перебраться на другую сторону бульвара. Оказалось, что толпа увлекла ее далеко на запад. До переулка, куда ей нужно попасть, – метров двести. Двести метров против течения. С таким же успехом можно просто лечь на мостовую – все равно затопчут.

Увидев неподалеку кафе, Аура снова влилась в толпу. Ее буквально донесли до дверей – ноги едва касались земли.

Аура вышла из кафе через черный ход с другой стороны здания. Никто ее не остановил. Хозяин и официанты стояли у окна, глядя на улицу, глаза у них сияли. «Завидуют?» – озадаченно подумала Аура. Видно, тоже хотят на войну. Кто знает, вдруг уже скоро они получают такую возможность? Тогда-то и выяснится, могут ли они так же хорошо управляться с винтовкой и штыком, как с тарелками и подносом.

Аура пересекла внутренний двор, прошла через арку и очутилась в хитросплетении переулков. Здесь шум людских голосов с бульвара, отдаваясь эхом, напоминал крики о помощи заблудившихся в лабиринте людей. Толпа наводнила и эти переулки. Аура то и дело ловила на

себе недоверчивые взгляды. Вот кто-то, оглянувшись на нее, украдкой шепнул что-то соседу... Нет, померещилось.

Впереди, между высокими домами, виднелся безлюдный двор. Он упирался в темную стену, а дорога сворачивала налево. Подойдя ближе, Аура поняла, что это не стена, а арка. Внутри – крошечная тьма. На миг ей показалось, что в темноте стоит женщина в черном.

«Отражение! Это мое отражение в зеркале!»

Но там не было никакого зеркала. Только темный двор, заваленный мусором.

Обессилев, Аура наконец вышла на бульвар Монпарнас, а оттуда свернула на Рю де Ренн, ведущую к бульвару Сен-Жермен. Остановилась, тяжело дыша, словно только что билась не на жизнь, а на смерть в гонке с толпой.

Аура стояла у витрины одной из десятков книжных лавок Парижа. О ней Филипп рассказал в первую очередь, а значит, лавка эта – особенная.

Она принадлежала чете Дюжоль. У Дюжолей с давних пор собирались парижские алхимики. Только здесь, только у дружелюбного и любознательного Пьера Дюжоля, они могли спросить про книги, названия которых вызвали бы лишь насмешку в других местах.

О лавке Дюжолей мало кто знал, не то сюда толпой повалили бы надменные буржуа и дворяне: дилетанты, для которых алхимия – очередное модное развлечение. К Пьеру Дюжолю и его жене обращались лишь те, кто всерьез почитал Великое делание, кто стремился к чему-то большему, чем обычная человеческая жизнь.

Впервые зайдя сюда неделю назад, Аура никак не ожидала найти книгу, которой не было даже в отцовской библиотеке. Превзойти человека, занимавшегося алхимией на протяжении шести веков, не так-то просто. Коллекция книг, которую собирали полтысячи лет, пожалуй, имеет все основания считаться самой полной.

Однако Аура заблуждалась.

В лавке Дюжолей она обнаружила издания, о которых раньше только слышала, но никогда не держала в руках. Здесь встречались не только книги, вышедшие с тех пор, как алхимия вошла в моду. Попадались тома, которые прежде стояли на полках величайших книжных сокровищниц Европы: в римской библиотеке Анжелика, библиотеке монастыря Святого Галла, в крупнейших национальных и церковных библиотеках, или хранились в изысканных частных коллекциях, собранных при дворе и в домах интеллектуальной элиты. Ни на одной из книг не значилась цена. Услышав вопрос о стоимости, хозяева лавки неторопливо взвешивали книгу в руках, нюхали бумагу и переплет, ощупывали текстуру кожи и только потом смотрели на заголовки и содержание. После этого объявляли цену. Запрашивали Дюжоли недешево, но всегда были готовы поторговаться, при этом внимательно поглядывая на покупателя поверх книги своими маленькими глазками. Дюжоли походили скорее на брата с сестрой, чем на супружескую пару.

Когда Аура открыла дверь, сверху звякнул колокольчик. Повеяло запахом старых книг. Ауре нравился этот запах: он напоминал о доме, о семейной библиотеке в западном крыле замка, под окнами которой бушевал прибой, и о библиотеке отца под крышей – сокровищнице алхимии, как и этот магазинчик.

– Мадемуазель, будьте любезны, закройте дверь.

Голос донесся из-за стеллажа, битком набитого книгами. Аура узнала Пьера Дюжоля, даже не видя его лица.

– Да, конечно.

Аура прикрыла за собой дверь. Вновь звякнули крохотные латунные колокольчики, висевшие над входом, словно гроздь винограда.

– Большое спасибо.

С обеих сторон высились стеллажи. Они доходили до самого потолка, обшитого деревянными панелями. Справа, у книжных полок, стоял длинный стол, на нем – множество настоль-

ных ламп и выпветший деревянный глобус. В том месте, где угадывались очертания Западной Европы, было что-то нацарапано на латыни – Аура не разобрала.

Дюжоли не показывались. Слышно было, как они шелестят страницами где-то за стеллажами. Когда Аура пришла сюда в первый раз, она спросила у Дюжолей одну редкую книгу, и те убедились, что девушка относится к алхимии со всей серьезностью.

Поднявшись по невысокой лестнице, Аура оказалась на втором этаже, в более просторном зале. Стеллажи здесь стояли в несколько рядов, а между ними – журнальные столики, также заваленные книгами. Книги лежали даже стопками на полу! Аура приподняла подол платья, чтобы не задеть какую-нибудь из шатких книжных башенок.

За одним из столиков сидели два молодых человека. Вероятно, студенты. Они прервали беседу и насторожились, услышав шаги на лестнице, но, увидев Ауру, успокоились. Один робко улыбнулся. Аура молча направилась в дальний угол комнаты. Взгляд ее скользил по корешкам книг – кое-какие она читала, некоторые показались интересными... И все же это не то.

Кроме двух молодых людей, покупателей в лавке не было. Их голоса едва доносились из-за книжных полок, и все же Аура невольно подслушала разговор.

– Хорошо, про философский камень понятно... – рассуждал один. – Возьмем эликсир бессмертия. Все ищут его, но никто не представляет, как он действует. Что произойдет с тем, кто его примет? В книгах об этом почти ничего не написано. Все только и твердят о вечной жизни, о безграничной мудрости... А как это работает? Я что, смогу выучить за ночь всю античную философию? Буду знать сочинения Платона наизусть, ни разу не открыв книгу? А что насчет бессмертия? Церковь тоже обещает нам вечную жизнь. Но что толку, если, к примеру, тело мое уже в могиле? Значит, эликсир должен действовать по-другому... Иначе какой тогда смысл во всех этих книгах?

– Ты понимаешь все слишком буквально, – возражал другой. – Алхимия учит видеть нас не только то, что лежит на поверхности...

Помилуй! – перебил его друг. – Это все пустые слова. Ты мне скажи: *дальше-то что?* Ты сам знаешь: я занимаюсь алхимией так же долго, как и ты... («Долго – это год?» – с усмешкой подумала Аура.) Но никто не может дать мне вразумительный ответ! Допустим, мне, тебе или кому-то еще удастся осуществить Великое делание и получить эликсир. Допустим, кому-то из нас хватит храбрости испробовать его на себе. Вот я глотнул эликсира... И что, мне теперь не страшна простуда? Я точно не подохну от лихорадки, опухолей или еще черт знает от чего?! В этом суть бессмертия? А как же пули и штыки? Им меня тоже не одолеть? Тогда я, конечно, первым побегу на войну вместе с этими дураками.

– Тише ты, не ори на всю округу, – уже тише сказал второй студент. – Не здесь.

– А чего мне бояться?

– Тайная полиция прочесывает город в поисках шпионов...

– Думаешь, у них нет дел поважнее, чем слушать нашу болтовню? Я тебя умоляю! – рассмеялся первый.

Его друг вздохнул:

– Дело твое. Только ты ведь пока не бессмертен. Вот и думай, что говоришь.

– Пусть тайная полиция лучше следит за всем этим выжившим из ума сбродом. А ты подумай вот о чем: несколько месяцев кряду мы роемся в книгах, смешиваем вонючие жидкости, переводим какую-то тарабарщину, которая от этого не становится понятнее! И ради чего? Ради бессмертия. Ради вечной жизни. Вот наша цель. А у этих идиотов, окончательно отупевших от патриотизма, какая цель? Побыстрее умереть от пули в какой-нибудь траншее, распевая песни! Да не могу я держать рот на замке, когда вокруг творится такое безумие!

Ауре вдруг захотелось взглянуть на этих двоих, но она стояла слишком далеко, стеллажи закрывали обзор. Впрочем, какое ей дело до чужих разговоров? Ведь она пришла не за этим.

Аура осматривала одну полку за другой. У нее затекла шея, оттого что приходилось постоянно держать голову набок, читая названия на корешках. В этой части лавки были собраны книги в основном на библейские темы, но все они могли пригодиться и алхимикам. Ауре попадались труды о магическом значении тридцати сребреников, которые Иуда получил за свое предательство, сборники малоизвестных изречений Моисея, книги о том, как еврейские мудрецы превратили живого тельца в золотого, о волшебной силе Марии Магдалины, об алхимических опытах Понтия Пилата, о тайных лабораториях под Иерусалимом и о роли царя Давида в первых экспериментах по получению *Aurum Potabile*.

Большая часть этих книг – полная чушь, но даже Нестор изучал подобные теории, а потому не исключено, что в какой-нибудь из них все же таятся крупинцы истины.

– Ладно, не будем о войне и обо мне, – снова послышался голос одного из студентов. – Ты мне вот что скажи: как, по-твоему, действует эликсир? Что произойдет с тобой, со мной или с кем-нибудь, кто его выпьет?

– Вы правы, – раздался вдруг третий голос. Голос Пьера Дюжоля, хозяина лавки. – Вы, несомненно, правы, мой дорогой Жан-Клод. В литературе мало сведений об этом. И все же в мире есть светлые головы, которым удалось осуществить Великое делание... Надо думать, кто-нибудь из них хоть раз обмолвился об этом...

Повисла пауза. Аура будто наяву увидела, как дерзкий студент энергично закивал. Поднимаясь по лестнице, она не успела как следует разглядеть ни его, ни его друга и представляла себе их внешность лишь по голосу. Аура прекрасно помнила, как сама задавалась точно такими же вопросами. Но тогда ей не с кем было поделиться своими мыслями и сомнениями.

– Однако вы заблуждаетесь, если считаете, будто нет никаких свидетельств о действии философского камня, – продолжал Дюжоль. Ауре стало любопытно. Она ненадолго отвлеклась от книг и прислушалась к словам хозяина лавки. – Считается, что эликсир бессмертия сперва очищает тело от всех токсинов. Алхимик теряет волосы, ногти и зубы.

Аура ухмыльнулась: «Представляю, какие сейчас лица у этих двоих!»

– Спустя некоторое время они отрастают заново – более здоровые и крепкие. Если организм заражен какой-нибудь болезнью, она выходит через поры вместе с потом. Вскоре алхимик перестает испытывать голод и жажду, но это не означает, что он больше не сможет по достоинству оценить хорошую пищу. Получать удовольствие от изысканных блюд и благородного вина он, к счастью, по-прежнему способен.

– Ну слава богу! – тихо сказал один из студентов.

– Но телесными изменениями все не ограничивается, – добавил Дюжоль. – После очищения тела начинается очищение духа. Уходят все ненужные мысли.

– Что это значит?

Тому, кто этого не испытал, не понять. Могу лишь сказать, что у человека повышается интеллект, а вместе с ним – способность к философскому мышлению. Думаю, именно это и называется мудростью. Но кто знает? Других свидетельств я не встречал. О том, что еще происходит с человеком на пути к бессмертию, известно лишь тому, кто осуществил Великое делание.

Аура попыталась вспомнить, натыкалась ли она хоть раз на такое описание. Нет, она бы запомнила.

– Из какой же книги вы почерпнули эти сведения? – спросил один из студентов.

– Ах, да я продал ее буквально вчера. «Забытые аспекты знака ворона» Израиля Торндайка. В ней собраны пересказы древних источников, большей частью арамейских.

Аура услышала шаркающие шаги хозяина лавки. Он спустился на первый этаж и заговорил с женой. Оба рассмеялись.

Студенты замолчали. Раздался скрип стульев, немного погодя звякнули колокольчики над входной дверью.

Аура покачала головой. Она и сама была такой же, как эти студенты! Вопросы, так много вопросов... Ответы лишь на некоторые из них Аура получила, испробовав на себе действие цветка Гильгамеша. Но цветок Гильгамеша не то же самое, что эликсир бессмертия, это точно! Ведь разве может считаться мудрым тот, кто видит, как рушится семья, и при этом не в силах ничего предпринять?

А что касается вечной жизни... Цветок, похоже, останавливает старение. Но защищает ли он от болезней? У Ауры по-прежнему случается насморк. А ведь люди то и дело умирают от обыкновенной простуды. Нет, это не подлинное бессмертие, не такое, каким представляют себе его те студенты и чета Дюжолей.

Аура так же далека от осуществления Великого делания, как и все алхимики, которых она встречала. Нестор, Лисандр и Моргант обязаны своей долгой жизнью вовсе не подлинному эликсиру.

Алхимика из нее не вышло – не стоит себя обманывать. Да и как мать она не состоялась. Аура заполучила вечную молодость и родила сына, но что делать с тем и другим, не знала.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, Аура вернулась к книгам. Чтение заголовков ничем не помогло, и она решила изучать содержание. Вот и занятие на ближайшие часы.

Вдруг послышался шелест. Аура резко обернулась.

Но не увидела ничего, кроме ряда полок.

За ними кто-то стоит? Может, она не заметила других посетителей?

Чье-то дыхание. Теперь Аура уверена: за стеллажом кто-то есть.

Быстрыми шагами она дошла до конца ряда книжных полок и заглянула за угол.

Узкий проход пуст.

Секунду поколебавшись, она заглянула в соседний проход. И в следующий.

Никого.

С нижнего этажа доносились голоса Дюжолей. Казалось, владельцы лавки что-то шептали прямо ей на ухо, хотя находились в другом помещении. Акустическая иллюзия.

Аура нерешительно вернулась к тому месту, где услышала шорох. На полу лежала книга. Это она ее уронила? Подняв книгу, Аура прочла название. Вроде бы она не брала с полки такую.

Покачав головой, она поставила книгу на единственное пустое место. Взгляд упал на корешок соседней книги.

«Шесть пальцев волхва». Г. Гримо.

Дрожащими руками Аура вытащила книгу. Простая суперобложка, без рисунков – указаны только название и автор. В выходных сведениях на последней странице – 1911 год издания. Вышла три года назад. Иллюстраций нет, формат небольшой, шрифт мелкий. Библиофила такая книга не впечатлила бы.

Аура пробежала глазами корешки книг, стоявших поблизости. Некоторые попадались в двух или трех экземплярах, но книга «Шесть пальцев волхва» была одна. Будто напечатана и поставлена на полку специально для Ауры.

С книгой в руке она вышла из-за стеллажей и еще раз оглянулась, но ничего подозрительного не заметила. Никого. Так же как и на улице, в темной арке. Фантазия разыгралась.

Взяв книгу в руки, Пьер Дюжоль довольно долго ее рассматривал, словно ему пришлось переводить название на французский с какого-то древнего языка. Затем поднял ее повыше и подозвал жену. Проследив за его взглядом, Аура испугалась: сейчас хозяева объявят, что книга попала на полку по ошибке и, к сожалению, не продается. «Приносим наши извинения, мадемуазель. Приходите к нам снова».

Но книготорговец, откашлявшись, вежливо улыбнулся и назначил цену.

– Это редкое издание?

– Цена для вас слишком велика?

– Боже мой, нет! – Поспешно вытащив кошелек, Аура отсчитала нужную сумму. – Просто... издание не старое, а у вас только один экземпляр.

– Гримо издает свои труды небольшим тиражом – не больше двух дюжин.

– Почему же?

Дюжоль потер переносицу:

– Ну, если честно, его произведения не пользуются большим спросом. Молодые люди, знаете ли, охотнее берут что-то более конкретное, например книги алхимических рецептов и тому подобное. Вы ведь слышали разговор тех двоих? Молодежь, что с них взять...

– Пьер! – возмущенно перебила его жена. – Твои слова оскорбительны для мадемуазель.

– Что вы, не беспокойтесь. – Аура помотала головой.

– Вовсе нет, – возразил Пьер Дюжоль жене, не сводя глаз с Ауры. – Знаете, сюда приходит много людей. Со временем начинаешь разбираться в таких вещах. Вы молоды, мадемуазель, но не вчера начали заниматься алхимией. – Он вдруг заслонил лицо руками, словно готовясь отразить удар. – Ничего не говорите! Вы – умная молодая дама, что вам за дело до моей стариковской болтовни?

Аура протянула ему деньги. Книготорговец, не пересчитывая, осторожно убрал их в ящик.

– Надеюсь, книга вам понравится, – добавил он, поворачиваясь к Ауре спиной. Казалось, он тут же забыл о ее существовании.

Его жена кивнула Ауре с улыбкой, обнажившей щель между передними зубами, и тоже отвернулась к стопке книг.

– Всего доброго.

Аура вышла на Рю де Ренн. Как только дверь лавки захлопнулась, звон колокольчиков резко оборвался. Аура заметила, что окна первых этажей в ближайших домах забраны решетками. Как и витрина лавки.

С книгой в руках Аура зашагала по тротуару прочь от лавки, дважды оглянувшись, чтобы удостовериться, что никто ее не преследует. Навстречу бежал маленький мальчик, поразительно похожий на Джиана. Но когда он поравнялся с ней, сходство исчезло, и даже волосы у него оказались другого цвета.

Остановившись на углу улицы, у дома, до самой крыши увешанного агитационными плакатами, Аура стала искать взглядом кафе. Ни одного. Мимо прошел, прихрамывая, старый продавец корзин, поприветствовал ее, придерживая поля шляпы, и свернул в переулок.

Аура шагнула в арку с облупившимся сводом. Здесь пахло нечистотами и мокрым камнем, но она не обратила на это внимания. С любопытством Аура начала листать книгу.

За высокопарным предисловием следовало изложение легенды о Звезде волхва, затем – краткий пересказ схожих мифов разных народов. Христианской легенде о Вифлеемской звезде автор отводил столько же места, сколько и остальным историям. Менторский тон Гримо раздражал Ауру, но не восхититься усердием, с которым тот собирал сведения, она не могла. Автор, несомненно, разбирается в том, о чем пишет.

Захлопнув книгу, Аура заметила, что суперобложка немного сдвинулась. Пришлось снять ее совсем, чтобы надеть ровно. Под ней на книге обнаружилось коричневое пятно. Размытый отпечаток пальца.

Аура застыла на месте, не заметив, как суперобложка выпала из рук.

Медленно, очень медленно она перевернула книгу. Холщовый переплет казался холодным как лед.

Она должна была догадаться.

Отпечаток занимал всю заднюю сторону переплета. Отпечаток шестипалой руки. Не такой яркий, как на простыне, – будто тот, кто его оставил, лишь слегка измазал ладонь кровью.

Аура вмиг представила: вот некто тайком проникает в лавку Дюжолей. Поднимается на второй этаж. Вытаскивает с полки книгу. Воровато озирается. Шестипалой рукой сжимает в кармане пропитанный кровью платок. Прижимает ладонь к книжному переплету. Вернув на место суперобложку, ставит книгу на полку и покидает лавку.

Аура огляделась, всматриваясь в лица людей на улице. Кругом было почти пусто, лишь несколько человек шли к бульвару на демонстрацию. Никто не следил за ней, даже не смотрел в ее сторону. И все же Аура чувствовала чье-то присутствие. В окнах отражались фасады домов и небо. Может быть, за ней наблюдают из окна?

Аура постаралась успокоиться. Нагнувшись, подняла суперобложку и, стряхнув с нее пыль, надела на книгу. А потом быстро, стараясь не выдать свое волнение, направилась в сторону книжной лавки.

Пьера Дюжоля ее возвращение очень удивило.

– Мадемуазель! Что-то не так?

«Он заметил?.. А, это он про книгу!»

– У меня есть еще один вопрос, – начала Аура.

– Постараюсь помочь вам, если смогу.

– Думаю, сможете.

Выглянув из-за книжной полки, жена книготорговца с любопытством посмотрела на Ауру.

– Интересовался ли кто-нибудь этой книгой в последнее время? – спросила Аура. – Или не конкретно этой книгой, а темой вообще... И кстати, может, у вас есть еще что-нибудь подобное?

Книготорговец, похоже, очень удивился и помотал головой.

– Нет... Как я говорил, книги Гримо не пользуются спросом у наших покупателей. Слишком уж они специфические. Говорят, автор пишет чересчур заумно.

– А вы знаете его лично?

Гримо? Конечно. Время от времени, написав очередную книгу, он является с вопросом, сколько экземпляров я возьму для продажи. Я каждый раз отвечаю, что довольно и одного. И спустя неделю-другую он приносит только что напечатанную книгу в лавку. Куда он деваает остальные? А черт его знает. Говорят, среди немцев есть безумцы, почитающие Гримо и его теории, но, видимо, это скоро прекратится. Война все-таки...

– У вас есть его адрес? В книге он не указан.

Пьер Дюжоль пристально посмотрел на Ауру:

– Хотите его навестить?

– Возможно.

Тут вмешалась жена книготорговца:

– Конечно, у нас есть его адрес. Пьер, посмотри в ящике.

– В каком?

– В третьем справа. Да, в этом.

Вытащив записную книжку, Пьер Дюжоль стал листать ее и наконец остановился на одной из страниц.

– Вот он. Гастон Гримо. – Книготорговец ткнул в книжку пальцем.

Ауре показалось, что Дюжоль предлагает ей прочитать адрес. Она подошла поближе, но книготорговец, что-то пробурчав, сам записал адрес на листке. Убрав блокнот обратно в ящик, он протянул листок Ауре.

– Вот. Не передавайте ему от меня привет.

Мадам Дюжоль закатила глаза.

– Мой муж – страшный брюзга! Не обращайтесь внимания. И конечно же, передайте мсье Гримо от нас привет, пожелайте всего наилучшего и поинтересуйтесь, когда нам ожидать его новую книгу.

– Черт бы его побрал вместе с его книгами, – угрюмо проворчал книготорговец.

– Благодарю вас. Очень любезно с вашей стороны. – Аура попрощалась.

Пьер Дюжоль задумчиво потер кадык.

– Знаете, большинство наших посетителей – мальчишки, как те двое. Или же дряхлые старики. Изредка залетает редкая птица – например, как ваш знакомый, мсье Монтелье. Но привлекательных молодых девушек, как вы, мадемуазель, мы видим нечасто.

Его жена снисходительно улыбнулась:

– Он все еще верит, что девушку можно привлечь стопкой старых книг! – Подойдя к мужу, она ласково взяла его за руку. – Лишь потому, что однажды ему это удалось.

Пьер Дюжоль покраснел, и вид его смутил Ауру. Снова поблагодарив обоих супругов, она подала им руку на прощание и вышла на улицу. Краем глаза Аура увидела сквозь витрину, что Дюжоли так и остались стоять на месте рука об руку, как фигурки в музыкальной шкатулке, когда в ней кончается завод, и взглядом провожали Ауру.

Дойдя до перекрестка, Аура вспомнила, что не обратила внимания на руки Пьера Дюжоля. Сколько у него пальцев на руках?

Пять. Пять пальцев.

Глубоко вздохнув, Аура двинулась дальше.

Пять пальцев. Точно.

Глава

6

Вот уже несколько дней Аура видела Париж в черно-белых красках, словно на фотографии. Длинные серые улицы, даже в солнечную погоду, черные тени, бледные и недружелюбные лица людей.

Цвета вернулись в день маскарада. Жизнь вдруг заиграла целой палитрой красок, и даже мрачные мысли улетучились как по волшебству. Аура, вначале сбита с толку этой пестротой, окунулась в нее с головой.

Маска, закрывавшая верхнюю часть лица, изображала мордочку кошки. Сделана она была из черного бархата, конского волоса и стеклянных бусин. Аура купила ее сразу, как приехала в Париж, по совету Филиппа. Ей давно уже все равно, что на ней надето. Впрочем, Ауре нравилось, что за маской можно спрятаться от посторонних взглядов. Именно этим она и занималась последние годы – такова горькая правда. Пряталась от всего мира за книгами и алхимическими опытами.

– Вот и ты!

Лицо Филиппа скрывала маска павлина, и все же Аура заметила, как он просиял, отыскав ее в толпе.

Стоя в центре великолепно украшенного бального зала, Аура весело, даже с легкой завистью, наблюдала за людьми, за многообразием масок, за блеском настоящих и поддельных драгоценных камней.

Филипп ласково тронул ее за руку.

– Я уж боялся...

– Что я не приду?

– Рафаэль сказал, что вчера, уходя от нас, ты намекнула...

– На что?

– Ну... на женские дни.

– Как мило с его стороны...

Само собой, Аура ни о чем таком не упоминала. Попытки Рафаэля ее опозорить каждый раз оборачивались глупой ребяческой выходкой. Зато Ауре больше не нужны доказательства его непричастности к шестипалому отпечатку – куда ему додуматься до такого!

– Кстати, где он? – Аура без особого интереса огляделась в поисках Рафаэля.

Лицо Филиппа помрачнело.

– Видел, он шляется по саду с какими-то юнцами. Эти нахалы мне в сыновья годятся!

Аура сжала руку Филиппа. Отличный повод высказать все, что она думает о Рафаэле! Но тогда Филипп, чего доброго, решит, будто она оговаривает его молодого любовника в отместку за дурачество.

– Не смотри на меня с таким сочувствием! – Филипп натянуто улыбнулся. – А то кто-нибудь заметит, что птичка улетела.

– Невелика беда.

– Если бы ты знала Рафаэля получше, смогла бы оценить его по достоинству.

– Постараюсь сделать все, чтобы этого избежать.

– Дорогая, он талантлив не только в спальне. – Филипп самодовольно улыбнулся. – Ты уже пробовала закуски?

– Уверена, они превосходны!

– Ты не голодна?

Филипп вдруг переменялся в лице, и Ауре показалось, что он вот-вот театрально хлопнет себя ладонью по лбу.

– Ну конечно! Отпечаток! Он появился где-то еще?

Аура кивнула. Филипп нежно взял ее под руку и вывел из толпы гостей. Люди в масках веселились и в соседнем зале: потягивали шампанское, флиртовали, слушали музыкантов. Кое-кто выписывал на паркете пируэты. Всеобщая безмятежность постепенно передавалась и Ауре. Как бы ей хотелось сейчас позабыть на час-другой о кровавых отпечатках, о проблемах в семье и полностью отдаться суете праздника. Танцевать, смеяться и не говорить ни о чем. Провести вечер в приятном безделье.

В коридоре, украшенном так же пышно, как и залы, Аура рассказала Филиппу, что произошло.

– Но откуда он знал, что ты отправишься в эту лавку?! – удивился Филипп, когда Аура закончила. – Ты ходила туда с кем-то кроме меня?

– Нет.

– И я о ней никому не рассказывал...

– Даже Рафаэлю?

– Книжки его не интересуют. Уж тем более – алхимия. Как-то мы ходили туда вместе, но он целый час просидел у окна, уставившись на улицу.

– И ты не сказал ему, что водил меня туда?

Филипп помотал головой.

– Конечно, мы говорили о тебе, но не припоминаю, чтобы я упоминал что-то подобное... Но послушай, это просто смешно – подозревать Рафаэля! – В словах Филиппа не слышалось ни обиды, ни злобы. Он подразумевал, что его юному любовнику просто не хватило бы ни ума, ни оригинальности, чтобы таким образом запугивать Ауру.

– Да, он бы вряд ли догадался, что я увижу связь между отпечатком на кровати и этой книжкой, – согласилась Аура.

– Так... ты подозреваешь кого-то еще?

– Больше никто не приходит на ум.

– Ты уже успела навестить этого писателя, Гримо?

– Нет. А ты его знаешь?

– Только понаслышке. Говорят, раньше он состоял в нескольких оккультных и алхимических кружках, но потом отстранился от всех и сосредоточился на исследованиях. Впрочем, в этом нет ничего особенного – в Париже алхимики то и дело объединяются в кружки, потом выходят из них, и так по кругу.

– Да уж, алхимия окончательно превратилась в фарс!

– Ну же, мысли шире, Аура! Просто она перестала быть мрачным, таинственным занятием, как сотни лет назад. Сегодня раздобыть нужные книжки может даже ребенок. Если бы твой отец не прятался на скале в Балтийском море все эти годы, он бы тоже это понял.

Филипп заговорил о Несторе, но Аура знала, что он имеет в виду ее саму. Ауре все труднее становилось выходить за рамки собственных исследований. Иногда ей казалось, что, остановив старение, она остановила и само течение жизни. Будто она внутри гигантского мыльного пузыря, а мир вокруг нее вращается все быстрее и быстрее. Аура старалась не отставать, но то и дело ловила себя на мысли, что постепенно начинает рассуждать, как старуха.

– Когда ты планируешь навестить Гримо?

– Завтра.

– Мне пойти с тобой?

– Спасибо... Думаю, в этом нет необходимости.

– Как хочешь.

– Ты что, обиделся?

– Что за вздор! Ты молода, и у тебя есть цель... Это прекрасно! Если вдруг тебе понадобится моя помощь, ты знаешь, что можешь обратиться ко мне в любое время.

Говоря с Аурой, Филипп то и дело высматривал кого-то в бальном зале. Мыслями он явно был где-то далеко. Самое время завершить разговор. Может, Аура даже найдет кого-то, с кем отважится потанцевать.

Обернувшись, она поняла, что так обеспокоило Филиппа.

На другом конце зала стоял Рафаэль, а вокруг него увивался молодой человек в маске волка – изящный, немного похожий на девушку.

– Филипп, – начала Аура и протянула было руку, чтобы его остановить, но тот был уже далеко.

Еще минуту она смотрела, как Филипп быстро пробирается сквозь толпу. Не этого ли она хотела? Скандала между Филиппом и Рафаэлем? Но сейчас, когда он вот-вот разразится, Аура лишь огорчилась.

Становиться свидетелем чужой ссоры ей не хотелось. Подобрал длинный подол платья, Аура направилась во второй зал. Она знала, что, облачившись с головы до ног в черное, привлекает внимание, но косые взгляды сквозь прорезы в масках ее не беспокоили. Взяв с подноса проплывавшего мимо официанта бокал шампанского, Аура осушила его залпом и в тот же миг почувствовала себя лучше. Напиток вернул ее к жизни. Она и забыла, как хорошо на вкус шампанское! В замке Институтисов праздников не устраивали, а приглашения из Берлина обычно принимали только Сильветта, Тесс и Джан – сама Аура никуда не выезжала.

С любопытством она пробиралась через толпу гостей. По большей части на них были венецианские маски с длинными острыми носами и прорезями для глаз. Но иногда попадались львы, тигры – была и одна пантера, – серебряные и золотые полумесяцы, маски в виде солнца и даже Эйфелевой башни.

У обшитых панелями стен стояли кресла и диваны с узорчатой обивкой. Время от времени дамы, устав танцевать, приседали на них в наигранном изнеможении. Аура не любила кокетства, но здесь, во дворце, вид флиртующих парочек ее совсем не раздражал.

Одна из стен зала была зеркальной. Аура часто видела свое отражение – черный призрак среди гостей.

И только на третий или четвертый раз она поняла, что на темной фигуре в зеркале нет маски.

Аура с удивлением остановилась и пригляделась. Она сразу же отыскала свое отражение – кошачья маска на месте. Должно быть, ей показалось.

Выпив второй бокал шампанского, она снова взглянула в зеркало. Вон она: темное пятно среди пестрых нарядов и украшений. Даже глаза светятся, как у кошки... Нет, это свет люстры отражается в стеклянных бусинах на маске.

«Выпила всего два бокала шампанского и уже вижу призраков».

Двустворчатая дверь неподалеку вела на террасу. Гости то и дело выходили из бального зала на свежий воздух и, насладившись ясной ночью, возвращались обратно, иногда под руку с новыми партнерами.

Ауру тоже потянуло на террасу. Что именно? Темнота? Звездное небо? Или ей просто захотелось побыть одной?

Слишком часто она все берет в свои руки. Нужно учиться иногда плыть по течению. Наслаждаться вечером. Ни о чем не думать... Ни о Филиппе и Рафаэле, ведь они уже не мальчики – сами разберутся. Ни о кровавом отпечатке. Ни о проклятом *Verbum Dimissum* – все равно его поиски изо дня в день становятся все бессмысленнее. Может быть, пришло время прекратить бесконечную погоню за философским камнем и заняться чем-то другим? Тем более что Аура так и не приблизилась к разгадке тайны Великого делания...

Этот бал-маскарад станет первым шагом. И конечно, шампанское. Интересно, что за волшебная сила таится во мраке ночи? Почему женщины выходят из зала в одиночку, а возвращаются под руку с мужчинами?

«Мне нужно выпить еще».

Аура взяла бокал с подноса одного из официантов, поднесла к губам – и в тот же миг вновь увидела отражение в зеркале. Фигура в черном, но без кошачьей маски. Значит, это не она!

Аура отставила бокал, так и не пригубив, и обернулась. В зале находилось человек двести – одни танцевали, другие просто стояли с бокалами в руках и беседовали. Пестрая толпа кружилась, точно кто-то невидимой кистью смешивал краски на палитре, – разве отыщешь тут одну-единственную призрачную фигуру?

Но вот Аура, кажется, заметила темный силуэт. Черное свободное платье – немного старомодное, но простое и элегантное. Волосы черные и длинные, как у Ауры, спадают на изящные плечи. На долю секунды, словно смутное видение, мелькнуло лицо: светлая кожа, красные губы, голубые глаза, черные волосы... Незнакомка – точь-в-точь Аура, и все же это не она. Поразительное сходство!

Видение исчезло, и вновь вокруг замелькали яркие наряды из шелка, бархата и парчи. Был ли там кто-то или это только привиделось Ауре? Шампанское расслабляло, долго размышлять ни о чем не хотелось, а потому Аура, пожав плечами, постаралась отогнать мысли о таинственной гостье. Конечно же, она не единственная черноволосая и белокожая девушка в темном платье на балу у Филиппа...

А вдруг у той незнакомки шесть пальцев?

Аура поспешила на террасу. Ей вдруг захотелось на свежий воздух. Бросив по пути взгляд в зеркало, она увидела только себя. Черная тень в кошачьей маске.

Терраса состояла из трех ярусов и спускалась в большой парк. В руках каменных статуй горели два десятка факелов, заливая все пространство вокруг мерцающим золотистым светом. Факелы освещали высокие деревья, но дальше все тонуло во тьме.

Людей на террасе оказалось меньше, чем предполагала Аура. Поодаль, в тени, куда не доставал свет факелов, стояли парочки. Одни смеялись и перешептывались, держась за руки, другие страстно целовались, не снимая масок. Анонимность раскрепощала даже самых стеснительных.

Отойдя подальше, Аура облокотилась о каменные перила. Она разглядывала темный сад: днем это был ухоженный парк, но сейчас – черная пропасть. И все это принадлежит ей. Сумма, за которую Филипп арендует дворец у семьи Инститорис, вовсе не соответствует его реальной стоимости. Но Аура не могла попросить больше. Стыдно требовать денег у друга.

– Извините...

Аура резко обернулась.

– Извините, – повторил незнакомец, – я не хотел вас напугать.

Это был высокий человек во фраке из черного бархата. Верхняя часть лица скрыта гладкой темно-красной маской – выражение безжизненное, как у манекена. Видны только выразительные губы и ямочка на подбородке – в свете факела она казалась еще глубже.

– Мы знакомы?

Человек отрицательно покачал головой.

– Мне говорили, что сегодня вечером имена под запретом.

«В самом деле? Филипп меня не предупредил...» – подумала Аура.

Шампанское одурманило ее. Неожиданно для самой себя она осознала, что готова принять правила игры.

– Как же мне к вам обращаться?

– Имя Дориан подойдет?

– А я – Сильветта.

– Чудесное имя.

– И часто вы говорите комплименты незнакомым дамам под ясным звездным небом?

Даже не знаю, что и думать о вас!

Дориан улыбнулся.

– Неужели вы прогуливаетесь по террасе не по той же причине, что и остальные гости бала?

Он указал на парочки, обнимавшиеся в темноте. Объятия их с каждой минутой становились все более страстными.

Аура вдруг подумала, что завидует им. Ей хотелось немного человеческого тепла, нежности и – *чего уж скрывать* – близости.

– Пожалуй, мне стоит вернуться во дворец, – сказала она.

– Нет. Оставайтесь.

Аура поглядывала на Дориана с интересом, но слегка недоверчиво. У нее сбилось дыхание. Удивительно!

– Прошу меня простить, если произвела на вас неверное впечатление.

– Что вы имеете в виду?

– Я здесь не ради приключений.

– Ничего такого я и не подумал.

– Хорошо. Надеюсь, я не разочаровала вас.

– Нисколько. Я просто хотел немного побеседовать с вами.

– Да?.. Что ж, я все же вернусь внутрь. Хорошего вам вечера, мсье Дориан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.